

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2409-4102

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2014 году

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ 2019 № 1—2 (5—6)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

академик РАН, доктор медицинских наук, профессор *А. В. Важенин*

Ответственный секретарь

кандидат биологических наук *А. А. Миасова*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. Г. Дегтярь, академик РАН, доктор технических наук, профессор (Государственный ракетный центр имени академика В. П. Макеева, Россия); *В. А. Тупиков*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия), *Н. А. Шаназаров*, доктор медицинских наук, профессор (Больница медицинского центра управления делами президента Республики Казахстан, Казахстан).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

А. Ю. Савочкина, доктор медицинских наук, председатель редакционной коллегии (Челябинск); *Н. В. Держвинский*, кандидат медицинских наук (Челябинск); *А. И. Долгушина*, доктор медицинских наук (Челябинск); *А. С. Доможирова*, доктор медицинских наук (Челябинск); *А. В. Привалов*, доктор медицинских наук, профессор (Челябинск); *Н. М. Эрлихман*, кандидат медицинских наук (Челябинск).

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов по отраслям:
медицинские науки, биологические науки, технические науки.

Журнал выходит
четыре раза в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57а
Тел. (351) 799-71-58

С требованиями
к оформлению статей можно
ознакомиться на сайте
журнала
[http://www.csu.ru/faculties/
DocLib3/fundamental_medicine.
aspx](http://www.csu.ru/faculties/DocLib3/fundamental_medicine.aspx)

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство
ПИ № ФС77-58492

Журнал включен
в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ РАН

Корректурa *О. Е. Шишмаренковой*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 27.12.19.
Выход в свет: 30.12.19.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 6,1. Уч.-изд. л. 5,0.
Тираж 100 экз. Заказ 474.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

BULLETIN

OF CHELYABINSK
STATE UNIVERSITY

ISSN 2409-4102

ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 2014

EDUCATION
AND HEALTHCARE

2019 № 1-2 (5-6)

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

A.V. Vazhenin, academician of the RAS, Doctor of Medical Sciences, Professor

Executive secretary

A.A. Minasova, Candidate of Biological Sciences

EDITORIAL BOARD

V.G. Degtyar, Academician of the RAS, Doctor of Technical Sciences, Professor (State Rocket Center named after Academician V.P. Makeev, Russia); *V.A. Tupikov*, Candidate of Medical Sciences (Chelyabinsk State University, Russia); *N.A. Shanazarov*, Doctor of Medical Sciences, Professor (Hospital of the Medical Center for the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTIONS

A.Yu. Savochkina, Doctor of Medical Sciences, Chairman of the Editorial Board (Chelyabinsk); *N.V. Derzhinskiy*, Candidate of Medical Sciences (Chelyabinsk); *A.I. Dolgushina*, Doctor of Medical Sciences (Chelyabinsk); *A.S. Domozhrova*, Doctor of Medical Sciences (Chelyabinsk); *A.V. Privalov*, Doctor of Medical Sciences, Professor (Chelyabinsk); *N.M. Erlikhman*, Candidate of Medical Sciences (Chelyabinsk).

The Editorial Board may not share the views of the authors.

Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation.

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals
in the following branches of knowledge:
Medical Sciences, Biological Sciences, Technical Sciences.

The journal is published
four times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
57a Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Telephone: + 7(351) 799-71-58

All the requirements
are available on the web-site
[http://www.csu.ru/faculties/DocLib3/
fundamental_medicine.aspx](http://www.csu.ru/faculties/DocLib3/fundamental_medicine.aspx)

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-58492

Abstracting and indexing
in Referativny Zhurnal
and VINITI Database RAS

Proofreader *O. E. Shishmarenkova*
Imposition by *O. E. Shishmarenkova*

Passed for printing 27.12.19.
Date of publication 30.12.19.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 6,1.
Ac.-publ. sh. 5,0.
Circulation 100 copies. Order 474.
Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Николаева О. В., Зырянова Ю. М., Сташкевич Д. С.* Оценка показателей липидного обмена у лиц, проходящих диспансеризацию, и больных с ишемической болезнью сердца в зависимости от пола и возраста 5
- Лапшин М. С., Резанович И. В., Платунова Н. Я., Резанович Е. А., Комелькова М. В.* Глюкокортикоид-зависимая регуляция свободнорадикального окисления у конькобежцев 11
- Абдулла Хошанг Фархад, Резанович И. В.* Культурно-досуговая деятельность как средство ресоциализации иностранных студентов 16

СООБЩЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Отраднава А. С.* Психологические особенности удовлетворенности жизнью сотрудников органов внутренних дел 22

ОБЗОР МНЕНИЙ

- Антипова О. Л.* Психология отцовства: тенденции исследования роли отца в родительстве 27
- Шереметьева Е. В.* От задержки речевого развития до отклонений в овладении речью в логопедической практике 32

ОБМЕН ОПЫТОМ

- Быструшкина Н. Г., Макеева А. Ю., Васильева Т. И.* Сформированность профессионально значимых качеств актера у обучающихся театральной студии 38
- Понкратова Е. Е.* Исследование взаимосвязи восприятия детско-родительских отношений со школьной тревожностью у подростков 44

CONTENT
EXPERIMENTAL CONTENT

- Nikolaeva O.V., Zyryanova Yu.M., Stashkevich D.S.*** The Estimation of Lipid Exchange Indicators in Persons, Undergoing Medical Examination, and Patients with Ischemic Heart Disease Depending on the Gender and Age 5
- Lapshin M.S., Rezanovich I.V., Platunova N.Ya., Rezanovich E.A., Komelkova M.V.*** Glucocorticoid-Dependent Regulation of Free-Radical Oxidation in Skates. 11
- Abdullah Khoshang Farhad, Rezanovich I.V.*** Cultural and Leisure Activities As a Means of Resocialization of Foreign Students 16

REPORTS OF YOUNG SCIENTISTS

- Otradnova A.S.*** Psychological Features of Satisfaction with Life of Employees of Internal Affairs Bodies. 22

OVERVIEW OF OPINIONS

- Antipova O.L.*** Psychology of Paternity: Trends in Research of The Role of the Father in the Parent 27
- Sheremetyeva E.V.*** From Delay of Speech Development to Deviations in Possession of Speech in Logopedic Practice 32

EXCHANGE OF EXPERIENCE

- Bystrushkina N.G., Makeeva A.Yu., Vasilieva T.I.*** Formation Of Professionally Significant Qualities Of The Actor At Training Students. 38
- Ponkratova E.E.*** Research of the Relationship of Perception of Child-Parent Relations with School Anxiety in Teenagers 44

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

EXPERIMENTAL CONTENT

*Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 1—2 (5—6). С. 5—10.*

УДК 577.125.8:616
ББК 28.072+54.102

ОЦЕНКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИПИДНОГО ОБМЕНА У ЛИЦ, ПРОХОДЯЩИХ ДИСПАНСЕРИЗАЦИЮ, И БОЛЬНЫХ С ИШЕМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ СЕРДЦА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА И ВОЗРАСТА

О. В. Николаева¹, Ю. М. Зырянова², Д. С. Сташкевич²

¹ *Городская клиническая поликлиника № 8, Челябинск, Россия*

² *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Многочисленными клиническими и эпидемиологическими исследованиями установлено, что повышение уровня атерогенных липидов и липопротеинов в крови — один из основных факторов риска атеросклероза и ишемической болезни сердца. В связи с этим изучение показателей липидного обмена имеет исключительное диагностическое значение при оценке риска развития атеросклероза и сердечно-сосудистой патологии у пациентов разных возрастных групп, в том числе и при диспансерных обследованиях. В представленном исследовании проанализированы показатели липидограммы пациентов, проходящих диспансеризацию, в сравнении с показателями липидного обмена больных с ишемической болезнью сердца в зависимости от гендерной и возрастной принадлежности. Материалы исследования свидетельствуют о возможности использования группы пациентов, проходящих диспансеризацию, не имеющих в анамнезе сердечно-сосудистых заболеваний, в качестве группы сравнения.

Ключевые слова: *ишемическая болезнь сердца, атеросклероз, липидограмма.*

Введение

Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) являются лидирующей причиной смертности во всем мире. В 2013 г. в мире от ССЗ умерло 15 млн чел., и, по прогнозам экспертов, к 2020 г. эта цифра может достичь 25 млн. Ежегодно в мире более чем у 32 млн чел. регистрируются заболевания сердечно-сосудистой системы (ССС).

Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по смертности от ССЗ. Многочисленными клиническими и эпидемиологическими исследованиями установлено, что повышение уровня атерогенных липидов и липопротеинов в крови — один из основных факторов риска атеросклероза и ишемической болезни сердца [1—4; 8; 10].

Разработка данной проблематики активно осуществляется на экспертно-прикладном уровне, а результаты находят свое практическое отражение в профилактической медицинской деятельности: профилактика атеросклероза и обусловленной им сердечно-сосудистой патологии должна быть направлена именно на коррекцию нарушения обмена липопротеинов.

В связи с этим изучение показателей липидного обмена имеет исключительное диагностическое значение при оценке факторов риска развития атеросклероза и сердечно-сосудистой патологии у пациентов разных возрастных групп, в том числе при диспансерных обследованиях.

В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

1. Оценить показатели липидограммы у лиц, проходящих диспансеризацию, не имеющих в анамнезе заболеваний сердечно-сосудистой системы, в зависимости от пола и возраста пациента.
2. Оценить показатели липидограммы у больных с ишемической болезнью сердца (ИБС), находящихся на амбулаторном лечении, в зависимости от пола и возраста пациента.
3. Выявить изменения липидного обмена у больных с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении в сравнении с пациентами, проходящими диспансеризацию, не имеющими в анамнезе заболеваний ССС.

Материалы и методы исследования

Исследования проводились на базе городской клинической поликлиники № 8 города Челябинска.

В исследование были включены 70 пациентов, проходящих диспансеризацию, не имеющих в анамнезе заболеваний ССС (35 мужчин и 35 женщин), и 70 пациентов с ИБС (35 мужчин и 35 женщин), проходящих амбулаторное лечение.

Отмечено, что у женщин ишемическая болезнь сердца развивается на 10—15 лет позже, чем у мужчин и риск ИБС возрастает после менопаузы, что является следствием уменьшения выработки эстрогенов и сдвигом липидного профиля в сторону повышения общего холестерина и развития атерогенной дислипидемии. Эти данные позволили определить возрастные категории обследуемых лиц: 30—50 лет и 50—70 лет (табл. 1).

В крови обследуемых пациентов определяли следующие показатели: общий холестерин (ОХС), триглицериды (ТГ), липопротеиды высокой плотности (ЛПВП), липопротеиды низкой плотности (ЛПНП).

Исследование производили на автоматическом биохимическом анализаторе — ФП901-М стандартными наборами реагентов:

— Холестерин-Витал — набор для определения концентрации общего холестерина в сыворотке (плазме) крови энзиматическим колориметрическим методом, производитель — Россия;

— LDL-холестерин — набор для определения концентрации холестерина липопротеидов низкой плотности в сыворотке (плазме) крови энзиматическим методом с селективной защитой (без осаждения), производитель — Россия;

— HDL-холестерин-витал — набор реагентов для определения концентрации липопротеидов высокой плотности, производитель — Россия;

— Триглицериды-витал — набор для определения концентрации триглицеридов в сыворотке (плазме) крови энзиматическим колориметрическим методом, производитель — Россия.

При определении показателей липидного обмена проводились стандартизация и контроль качества лабораторных исследований на преаналитическом и аналитическом этапах.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета Excel MS с использованием критерия Стьюдента. Уровень значимости (p) интерпретировали в соответствии со следующими значениями: если $p \leq 0,05$ — различия значимы, при $0,05 < p < 0,1$ — наблюдается тенденция, при $p \geq 0,1$ — различия незначимы.

Результаты и их обсуждение

Оценка средних значений показателей липидограммы среди гендерных и возрастных групп пациентов, проходящих диспансеризацию, не имеющих в анамнезе заболеваний ССС, показала результаты, представленные в табл. 2.

У женщин старшей возрастной группы, проходящих диспансеризацию, выявлено достоверно значимое повышение содержания ОХС и ТГ в сравнении с группой женщин 30—50 лет.

Статистически значимых различий в показателях липидного обмена двух обследованных групп мужчин не выявлено.

У мужчин возрастной категории 30—50 лет отмечено достоверное увеличение уровня ОХС,

Таблица 1

Характеристика исследуемых групп пациентов

Группы пациентов	Пациенты, проходившие диспансеризацию		Больные с ИБС	
	чел. (всего 40)	%	чел. (всего 40)	%
Женщины 30—50 лет	20	50	20	50
Мужчины 30—50 лет	20	50	20	50
Средний возраст в группе 30—50 лет, лет	37,88 ± 0,92		38,93 ± 1,00	
	чел. (всего 30)	%	30	%
Женщины 50—70 лет	15	50	15	50
Мужчины 50—70 лет	15	50	15	50
Средний возраст в группе 50—70 лет, лет	56,43 ± 1,16		58,07 ± 1,28	

Таблица 2

**Оценка средних значений показателей липидограммы
исследованных гендерных и возрастных групп пациентов,
проходящих диспансеризацию, не имеющих в анамнезе заболеваний ССС**

Средняя концентрация, ммоль/л	Женщины 30—50 лет	Женщины 50—70 лет	р	Мужчины 30—50 лет	Мужчины 50—70 лет	р
ОХС	5,02 ± 0,19	6,01 ± 0,19	0,0007*	5,84 ± 0,16	5,75 ± 0,12	0,6510
ТГ	1,41 ± 0,11	1,84 ± 0,16	0,0332*	1,89 ± 0,14	1,88 ± 0,15	0,9740
ЛПВП	1,52 ± 0,07	1,47 ± 0,11	0,7105	1,25 ± 0,05	1,14 ± 0,03	0,0773**
ЛПНП	2,46 ± 0,16	3,01 ± 0,21	0,0526**	3,53 ± 0,16	3,48 ± 0,21	0,8487
Средняя концентрация, ммоль/л	Женщины 30—50 лет	Мужчины 30—50 лет	р	Женщины 50—70 лет	Мужчины 50—70 лет	р
ОХС	5,02 ± 0,19	5,84 ± 0,16	0,00210*	6,01 ± 0,19	5,75 ± 0,12	0,2461
ТГ	1,41 ± 0,11	1,89 ± 0,14	0,01100*	1,84 ± 0,16	1,88 ± 0,15	0,8740
ЛПВП	1,52 ± 0,07	1,25 ± 0,05	0,00450*	1,47 ± 0,11	1,14 ± 0,03	0,0082*
ЛПНП	2,46 ± 0,16	3,53 ± 0,16	0,00004*	3,01 ± 0,21	3,48 ± 0,21	0,1293

Примечание: * — различия значимы ($p \leq 0,05$); ** — наблюдается тенденция ($0,05 < p < 0,1$).

ТГ, ЛПНП и снижение уровня ЛПВП в сравнении с группой женщин этого возраста, что может указывать на возможный повышенный риск развития ишемической болезни сердца в данной возрастной группе мужчин.

При сравнении показателей липидного обмена мужчин и женщин в старшей возрастной категории было выявлено достоверное снижение концентрации ЛПВП у мужчин.

В ряде исследований [6; 9] показано, что у женщин переход от благоприятных показателей липидного обмена к неблагоприятным связан не с возрастом, а именно с угасанием функции яичников. В экспериментальных исследованиях убедительно показан кардиопротективный эффект эстрогенов, реализуемый через специфические эстрогенные рецепторы (ER), в частности ER β и ER γ , содержащиеся в большом количестве в кардиомиоцитах, фибробластах и коронарных сосудах. Таким образом, менопаузу можно считать уникальным «женским» фактором риска заболеваний сердечно-сосудистой системы, что объясняет более позднее (на 10—15 лет) начало развития ИБС у женщин по сравнению с мужчинами.

При сравнении показателей липидограммы пациентов, проходящих диспансеризацию, не имеющих в анамнезе заболеваний ССС, с соответствующими референсными значениями выявлена возможность использования данной группы в качестве группы сравнения при проведении обследований в практической медицине. В то же время полученные результаты могут дать некото-

рые ориентиры для практического здравоохранения о возможных группах риска сердечно-сосудистой патологии среди пациентов, проходящих диспансеризацию.

Анализ показателей липидограммы у больных с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении, показал результаты, представленные в табл. 3.

Амбулаторное лечение предполагает ограничение физической нагрузки, диету и фармакотерапию, ведущее место в которой занимают статины, которые оказывают как прямой гиполипидемический эффект, так и плейотропный эффект.

Известно, что благодаря действию статинов липидный профиль больных с ИБС меняется в сторону снижения уровня ХС, ЛПНП, ТГ и повышения уровня ЛПВП. Так, снижение ЛПНП на 1 % уменьшает риск развития ИБС также на 1 %, повышение ЛПВП на 1 % уменьшает риск развития ИБС на 3 % [5; 7].

У больных с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении, не было выявлено достоверных отличий показателей липидного обмена внутри женских и мужских групп сравнения, за исключением женщин старшего возраста с отмеченной тенденцией повышения уровня ЛПВП. Вероятно, это может говорить об эффективности фармакотерапии при ИБС.

При сравнении по гендерному признаку у таких больных было отмечено достоверное снижение уровня ЛПВП у мужчин в двух возрастных группах и повышение уровня ОХС у мужчин 30—50 лет относительно женщин этой возрастной категории.

Таблица 3

Оценка средних показателей липидограммы у больных с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении, в зависимости от возраста и пола

Средняя концентрация, ммоль/л	Женщины 30—50 лет	Женщины 50—70 лет	р	Мужчины 30—50 лет	Мужчины 50—70 лет	р
ОХС	5,91 ± 0,22	6,38 ± 0,35	0,2680	6,49 ± 0,23	6,43 ± 0,15	0,7943
ТГ	2,34 ± 0,15	2,37 ± 0,19	0,9161	2,46 ± 0,15	2,26 ± 0,15	0,3793
ЛПВП	1,14 ± 0,03	1,31 ± 0,08	0,0594**	1,00 ± 0,05	1,01 ± 0,06	0,8665
ЛПНП	3,57 ± 0,2	4,16 ± 0,28	0,1046	4,24 ± 0,19	4,25 ± 0,14	0,7906
Средняя концентрация, ммоль/л	Женщины 30—50 лет	Мужчины 30—50 лет	р	Женщины 50—70 лет	Мужчины 50—70 лет	р
ОХС	5,91 ± 0,22	6,49 ± 0,23	0,04090*	6,38 ± 0,35	6,43 ± 0,15	0,8924
ТГ	2,34 ± 0,15	2,46 ± 0,15	0,59720	2,37 ± 0,19	2,26 ± 0,15	0,6719
ЛПВП	1,14 ± 0,03	1,00 ± 0,05	0,00300*	1,31 ± 0,08	1,01 ± 0,06	0,0060**
ЛПНП	3,57 ± 0,20	4,24 ± 0,19	0,01630	4,16 ± 0,28	4,25 ± 0,14	0,7906

Примечание: * — различия значимы ($p \leq 0,05$); ** — наблюдается тенденция ($0,05 < p < 0,1$).

Эти факты подтверждают наличие высокого уровня риска развития атеросклероза и, как следствие, ИБС у мужчин.

Оценка показателей липидного обмена у больных с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении, в сравнении с пациентами, проходящими диспансеризацию, не имеющими в анамнезе заболеваний ССС выявила особенности, представленные в табл. 4.

Обнаружено достоверное повышение всех значений липидограммы у женщин 30—50 лет с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении в сравне-

нии с аналогичной возрастной группой диспансерных пациенток без патологии ССС. Такая же тенденция была выявлена у мужчин обеих возрастных групп.

У женщин 50—70 лет с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении, достоверно повышен уровень ТГ и ЛПНП в сравнении с женщинами аналогичного возраста, проходящими диспансеризацию, не имеющими заболеваний ССС.

У мужчин старшего возраста с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении, выявлено достоверное повышение уровня ОХС, ЛПНП, а также тенден-

Таблица 4

Оценка средних показателей липидного обмена у больных с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении, в сравнении с пациентами, проходящими диспансеризацию, не имеющими в анамнезе заболеваний ССС, в зависимости от возраста и пола

Средняя концентрация, ммоль/л	Женщины 30—50 лет			Мужчины 30—50 лет		
	Диспансеризация	ИБС	р	Диспансеризация	ИБС	р
ОХС	5,02 ± 0,19	5,91 ± 0,22	0,0045*	5,84 ± 0,16	6,49 ± 0,23	0,0065**
ТГ	1,41 ± 0,11	2,34 ± 0,15	0,00002*	1,89 ± 0,14	2,46 ± 0,15	0,0096*
ЛПВП	1,52 ± 0,07	1,14 ± 0,03	0,00003*	1,25 ± 0,05	1,00 ± 0,05	0,0011*
ЛПНП	2,46 ± 0,16	3,57 ± 0,20	0,0001*	3,53 ± 0,16	4,24 ± 0,19	0,0052**
Средняя концентрация, ммоль/л	Женщины 50—70 лет			Мужчины 50—70 лет		
	Диспансеризация	ИБС	р	Диспансеризация	ИБС	р
ОХС	6,01 ± 0,19	6,38 ± 0,35	0,3662	5,75 ± 0,12	6,43 ± 0,15	0,0017*
ТГ	1,84 ± 0,16	2,37 ± 0,19	0,0447*	1,88 ± 0,15	2,26 ± 0,15	0,0908**
ЛПВП	1,47 ± 0,11	1,31 ± 0,08	0,2361	1,14 ± 0,03	1,01 ± 0,06	0,0673**
ЛПНП	3,01 ± 0,21	4,16 ± 0,28	0,0033*	3,48 ± 0,21	4,16 ± 0,14	0,0065*

Примечание: * — различия значимы ($p \leq 0,05$); ** — наблюдается тенденция ($0,05 < p < 0,1$).

ция повышения ТГ и снижения ЛПВП в сыворотке крови в сравнении с пациентами того же возраста, проходящими диспансеризацию, не имеющими в анамнезе заболеваний ССС.

Результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. При оценке показателей липидограммы у женщин 50—70 лет и мужчин 30—50 лет, проходивших диспансеризацию, не имеющих в анамнезе ССЗ, выявлена возможность развития в этих двух группах сердечно-сосудистой патологии.

2. При анализе показателей липидного обмена в группе больных с ИБС, находящихся на ам-

булаторном лечении, выявлено снижение уровня ЛПВП в двух мужских возрастных группах и повышение ОХС у мужчин в сравнении с группой женщин в одинаковой возрастной категории 30—50 лет.

3. Оценка показателей липидного обмена у больных с ИБС, находящихся на амбулаторном лечении в сравнении с группой пациентов, проходивших диспансеризацию, не имеющих в анамнезе заболеваний ССС, показала увеличение концентрации атерогенных липопротеидов во всех обследованных группах больных с ИБС.

Список литературы

1. Галлер, Г. Нарушение липидного обмена / Г. Галлер, М. Генefeldь, В. Яросс. — М. : Медицина, 2009. — 336 с.
2. Климов, А. Н. Липиды, липопротеиды и атеросклероз / А. Н., Климов Н. П. Никульчева. — М. : Медицина, 2012. — 303 с.
3. Кричевский, Н. А. Нарушение липидного обмена и атеросклероз / Н. А. Кричевский, С. Ф. Гончаров. — М. : Дашков и Ко, 2012. — 336 с.
4. Либов, И. А. Нарушение липидного обмена и атеросклероз / И. А. Либов, Д. А. Иткин, С. В. Черксова. — М. : Медицина, 2009. — 278 с.
5. Меерсон, Ф. З. Патогенез и предупреждение стрессорных и ишемических повреждений сердца / Ф. З. Меерсон. — М. : Медицина, 2012. — 272 с.
6. Осачук, С. С. Изменение жирнокислотного спектра липопротеинов высокой плотности у мужчин и женщин / С. С. Осачук, Н. Ю. Коновалова. — М. : Медицина, 2011. — 397 с.
7. Ройтман, А. П. Современные аспекты дислипидемий / А. П. Ройтман. — М. : Медицина, 2009. — 264 с.
8. Фортэ, Т. Образование и структура липопротеидов высокой плотности / Т. Фортэ // Липопротеиды высокой плотности и атеросклероз / под ред. А. Н. Климова, Р. И. Леви. — М. : Медицина, 2009. — С. 51—66.
9. Чурина, С. К. Особенности патогенеза ИБС у женщин молодого и среднего возраста / С. К. Чурина. — М. : Медицина, 2009. — 96 с.
10. Шейфер, Э. Д. Обмен липопротеидов высокой плотности / Э. Д. Шейфер, Л. А. Зех, Р. Е. Грегг [и др.]. // Липопротеиды высокой плотности и атеросклероз / под ред. А. Н. Климова, Р. И. Леви. — М. : Медицина, 2009. — С. 88—102.

Сведения об авторах

Николаева Ольга Венедиктовна — заведующая клинико-диагностической лабораторией, биолог МАУЗ «Городская клиническая поликлиника № 8», Челябинск, Россия. ovediktovna@mail.ru

Зырянова Юлия Макаровна — кандидат биологических наук, доцент кафедры микробиологии, иммунологии и общей биологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zym-28@mail.ru

Сташкевич Дарья Сергеевна — кандидат биологических наук, доцент кафедры микробиологии, иммунологии и общей биологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. biol_faculty@csu.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 1—2 (5—6). P. 5—10.*

THE ESTIMATION OF LIPID EXCHANGE INDICATORS IN PERSONS, UNDERGOING MEDICAL EXAMINATION, AND PATIENTS WITH ISCHEMIC HEART DISEASE DEPENDING ON THE GENDER AND AGE

O.V. Nikolaeva

City Clinical Polyclinic № 8, Chelyabinsk, Russia. ovenediktovna@mail.ru

Yu.M. Zyryanova

City Clinical Polyclinic № 8, Chelyabinsk, Russia. zym-28@mail.ru

D.S. Stashkevich

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. biol_faculty@csu.ru

Numerous clinical and epidemiological studies have established that an increase in the level of atherogenic lipids and lipoproteins in the blood is one of the main risk factors for atherosclerosis and ischemic heart disease. In this regard, the study of lipid metabolism has an exceptional diagnostic value in assessing the risk of atherosclerosis and cardiovascular disease in patients of different age groups, including during medical examinations. In the present study, the lipid profile of patients undergoing medical examination was analyzed in comparison with the lipid metabolism of patients with ischemic heart disease, depending on gender and age. The research materials indicate the possibility of using a group of patients undergoing medical examination, who do not have a history of cardiovascular diseases, as a comparison group.

Keywords: *ischemic heart disease, atherosclerosis, lipidogram.*

References

1. Galler G., Genefel'd M., Jaross V. *Narushenie lipidnogo obmena* [Lipid metabolism disorders]. Moscow, Medicina, 2009. 336 p. (In Russ.).
2. Klimov A.N., Nikul'cheva N.P. *Lipidy, lipoproteidy i ateroskleroz* [Lipids, lipoproteins and atherosclerosis]. Moscow, Medicina, 2012, 303 p. (In Russ.).
3. Krichevskij N.A., Goncharov S.F. *Narushenie lipidnogo obmena i ateroskleroz* [Disruption of lipid metabolism and atherosclerosis]. Moscow, Dashkov i Ko, 2012. 336 p. (In Russ.).
4. Libov I.A., Itkin D.A., Cherkesova S.V. *Narushenie lipidnogo obmena i ateroskleroz* [Disruption of lipid metabolism and atherosclerosis]. Moscow, Medicina, 2009. 278 p. (In Russ.).
5. Meerson F.Z. *Patogenez i preduprezhdenie stressornyh i ishemicheskikh povrezhdenij serdca* [Pathogenesis and prevention of stress and ischemic heart damage]. Moscow, Medicina, 2012. 272 p. (In Russ.).
6. Osachuk S.S., Konovalova N.Ju. *Izmenenie zhirnokislотного спектра lipoproteinov vysokoj plotnosti u muzhchin i zhenshin* [Changes in the fatty acid spectrum of high-density lipoproteins in men and women]. Moscow, Medicina, 2011. 397 p. (In Russ.).
7. Rojzman A.P. *Sovremennye aspekty dislipoproteinemij* [Current aspects of dyslipoproteinemia]. Moscow, Medicina, 2009. 264 p. (In Russ.).
8. Fortje T. *Образование и структура lipoproteinov vysokoj plotnosti* [The formation and structure of high-density lipoprotein]. *Lipoproteidy vysokoj plotnosti i ateroskleroz* [High density lipoproteins and atherosclerosis]. A.N. Klimova, R.I. Levi (eds.). Moscow, Medicina, 2009. Pp. 51-66. (In Russ.).
9. Churina S.K. *Osobennosti patogeneza IBS u zhenshin molodogo i srednego vozrasta* [Features of the pathogenesis of coronary artery disease in women of young and middle age]. Moscow, Medicina, 2009. 96 p. (In Russ.).
10. Shejfer Je.D., Zeh L.A., Gregg R.E. [et al.]. *Обмен lipoproteinov vysokoj plotnosti* [High density lipoprotein metabolism]. *Lipoproteidy vysokoj plotnosti i ateroskleroz* [High density lipoproteins and atherosclerosis]. N. Klimova, R. I. Levi (eds). Moscow, Medicina, 2009. Pp. 88-102. (In Russ.).

УДК 577.2
ББК 28.070

ГЛЮКОКОРТИКОИД-ЗАВИСИМАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СВОБОДНОРАДИКАЛЬНОГО ОКИСЛЕНИЯ У КОНЬКОБЕЖЦЕВ

М. С. Лапшин, И. В. Резанович, Н. Я. Платунова, Е. А. Резанович, М. В. Комелькова

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 17.7255.2017/8.9

Обнаружены отрицательные корреляции между временем прохождения дистанции, содержанием кортизола и активностью прооксидантных и антиоксидантных ферментов. У спортсменов в осенний соревновательный период содержание кортизола было выше, чем в осенний период. Соответственно, в осенний период была выше активность тромбоцитарной MAO-B и миелопероксидазы. Напротив, активность антиоксидантных ферментов была ниже. Наличие корреляционных связей между результативностью и глюкокортикоид-зависимыми показателями свободнорадикального окисления в тренировочные периоды открывает перспективы установления новых маркеров эффективности тренировочного процесса. Появляется возможность по биохимическим показателям тренировочных циклов предсказывать спортивный результат на соревнованиях.

Ключевые слова: кортизол, прооксидантные и антиоксидантные ферменты, перекисное окисление липидов.

Введение

Цель. Поиск метаболических маркеров результативности у конькобежцев на основе показателей глюкокортикоид-зависимых показателей свободнорадикального окисления.

Материал и методы. Исследование выполнено на 24 добровольцах-конькобежцах в осенний и зимний периоды тренировочного макроцикла. У спортсменов оценивалась результативность соревновательного периода по времени прохождения дистанций 500, 1000 и 1500 м. В плазме крови определяли содержание кортизола, активности прооксидантных и антиоксидантных ферментов. В эритроцитах определяли интенсивность перекисного окисления липидов.

Получены данные, свидетельствующие о более высоком уровне свободнорадикального окисления у конькобежцев высокой спортивной квалификации. У мастеров спорта и кандидатов в мастера спорта отмечено повышение интенсивности окисления белков и липопероксидации.

Ранее было установлено [4], что у спортсменов-конькобежцев результативность в соревновательном периоде непосредственно зависит от уровня их свободнорадикального окисления (СРО). В свою очередь активация СРО может быть связана со стрессорными ситуациями, сопутствующими спортивным состязаниям. Стрессорные гормоны и нейромедиаторы обладают способностью уси-

ливать процессы свободнорадикального окисления [1]. Глюкокортикоидные гормоны обладают способностью в физиологических концентрациях стимулировать окислительное фосфорилирование [11]. Однако в случае резкого прироста уровня гормонов коры надпочечников, как, например, при стрессорных воздействиях, глюкокортикоиды ингибируют функциональную активность митохондрий в целом и окислительное фосфорилирование в частности. Глюкокортикоид-зависимое угнетение функциональной активности митохондрий сопровождается дополнительной утечкой электронов из дыхательной цепи с дальнейшим вовлечением их в процессе свободнорадикального окисления. Помимо этого, влияние глюкокортикоидов на уровень свободнорадикального окисления осуществляется за счет регуляции экспрессии и активности ферментов, генерирующих активные формы кислорода, а также ферментов антиоксидантной защиты [Там же]. Поэтому для оценки результативности спортсменов-конькобежцев могут быть в одинаковой степени полезны как глюкокортикоидный гормон кортизол, так и ферменты прооксидантного действия, а именно моноаминоксидаза и миелопероксидаза, а также ферменты антиоксидантного действия, а именно супероксиддисмутаза и каталаза.

Поэтому в данном исследовании мы изучали корреляционные зависимости между результативностью

уровнем кортизола и активностью прооксидантных и антиоксидантных ферментов на дистанциях 500, 1000, 1500 м.

Методика

Исследование выполнено на 24 юношах-конькобежцах. Среди них 10 спортсменов имели квалификацию 1-го разряда, 14 — квалификацию кандидатов в мастера спорта. Для биохимических исследований кровь забирали из вены в утренние часы натощак. Концентрацию кортизола определяли в плазме крови с помощью набора «КОРТИЗОЛ-ИФА-БЕСТ» («Вектор-Бест», Россия). Определение MAO-B (КФ 1.4.3.4.) в тромбоцитах проводили в модификации, описанной И. А. Волчегорским с соавт. с использованием в качестве субстрата бензиламина [1]. По другой методике И. А. Волчегорского и соавт. определяли содержание молекулярных продуктов ПОЛ в эритроцитах [Там же].

Ксантинооксидазу (ХО) (КФ 1.2.3.2.) определяли по методу, описанному Hashimoto в модификации J. S. Beckman [2]. Супероксиддисмутазу (СОД) (КФ 1.15.1.1.) определяли по методу Чевари и соавт. с феназинметасульфатом [5]. Кatalазу (КФ 1.11.1.6) измеряли по методу [3].

Оценка статистически значимых различий осуществлялась с помощью непараметрического U-критерия Манна — Уитни; Для обработки результатов исследований использовали пакет прикладных программ Statistica 10.0 for Windows.

Результаты

Установлено, что у конькобежцев-многоборцев в зимний период тренировочного макроцикла по сравнению с осенним повышалась результативность на дистанциях 1000 и 1500 м, но результативность на дистанции 500 м не менялась. Это сопровождалось приростом уровня кортизола, повышением активности тромбоцитарной MAO при одновременном снижении содержания серотонина (см. таблицу). Подобные сдвиги могут быть обусловлены глюкокортикоид-зависимой активации экспрессии MAO. Серотонин является субстратом для MAO. Поэтому сниженный уровень серотонина может быть непосредственно связан с активацией окислительного дезаминирования (см. таблицу). В зимний период повысилась результативность конькобежцев на дистанции 500 м. При этом обнаружена отрицательная корреляционная связь между содержанием кортизола и временем на дистанции 500 м в зимний период ($R_s = -0,63$; $P = 0,045$). На дистанции

1000 м наблюдалась отрицательная корреляционная связь с активностью MAO-B ($R_s = -0,71$; $P = 0,034$). Аналогичная корреляционная связь отмечена для дистанции 1500 м ($R_s = -0,892$; $P = 0,006$). Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о наличии корреляционных зависимостей между результативностью и содержанием кортизола в крови в той же степени, как между показателями активности глюкокортикоид-зависимого фермента MAO и уровнем результативности. Интересно отметить, что MAO относится к прооксидантным ферментам вследствие присутствия среди продуктов реакции пероксида водорода. Поэтому отмеченное ранее усиление свободнорадикального окисления в этот период может иметь MAO-зависимый характер. Также отмечено наличие положительной корреляции между уровнем серотонина и временем прохождения дистанции в 500 м ($R_s = 0,892$; $P = 0,006$). Как уже упоминалось, серотонин подвергается окислительному дезаминированию. Известно, что сниженный уровень серотонина коррелирует с агрессивностью и повышенной тревожностью. Между тем эти психологические качества представляются весьма полезными для повышения результативности в соревновательный период.

В зимний период тренировочного макроцикла по сравнению с осенним наблюдается снижение активности супероксиддисмутазы, глутатионпероксидазы, снижение общего содержания глутатиона (см. таблицу). При этом наблюдается повышение уровня активности прооксидантного фермента миелопероксидазы (см. таблицу). При этом обнаружена положительная корреляционная связь между активностью супероксиддисмутазы и временем на дистанции 500 м ($R_s = 0,75$; $P = 0,025$). На дистанции 1000 м наблюдалась положительная корреляционная связь с активностью глутатионпероксидазы. ($R_s = 0,71$; $P = 0,034$). Для дистанции 1500 м отмечена отрицательная корреляционная связь между временем прохождения дистанции и активностью СОД ($R_s = -0,835$; $P = 0,006$), активностью глутатионпероксидазы ($R_s = -0,792$; $P = 0,012$).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что на результативность конькобежцев влияют факторы, вовлеченные в регуляцию показателей свободнорадикального окисления, а именно глюкокортикоидные гормоны, а также регулируемые глюкокортикоидами прооксидантные и антиоксидантные ферменты. Глюкокортикоиды принимают участие и в регуляции процессов свободнорадикального окисления. На данный момент известно о глюкокортикоид-

**Содержание кортизола и серотонина, продуктов ПОЛ,
активность прооксидантных и антиоксидантных ферментов
в осенний и зимний тренировочные периоды**

Показатель	Периоды тренировочного цикла	
	Осенний	Зимний
Время на дистанции 500 м (с)	44,00 ± 0,08	45,00 ± 0,12
Время на дистанции 1000 м (с)	1 : 32,34 ± 2,05	1 : 26,15 ± 1,78*
Время на дистанции 1500 м (с)	2 : 23,22 ± 1,12	2 : 14,15 ± 2,21*
Кортизол нмоль/л	333,40 ± 18,8	467,00 ± 30,45*
Серотонин мкмоль/л	0,45 ± 0,017	0,25 ± 0,011*
Диеновые конъюгаты эритроциты	0,459 ± 0,014	0,67 ± 0,01* 0,14 ± 0,008
Тромбоцитарная MAO (нМ/с/10 ⁶)	0,62 ± 0,060	1,70 ± 0,020*
СОД, у. е.	174,78 ± 30,063	323,72 ± 20,03*
Каталаза, фмоль/с на эритроцит	118,52 ± 28,800	234,00 ± 11,7*
Миелопероксидаза, пмоль/с на гранулоцит	0,34 ± 0,033	0,73 ± 0,020*

Примечание: * $p < 0,05$ — достоверность по методу Манна — Уитни по отношению к контролю.

ной регуляции, глутатионпероксидазы, ксантиноксидазы, СОД, каталазы, скорости продукции АФК, НАДФН-оксидазы, моноаминоксидазы. Все вышеперечисленные данные характеризуют медленные эффекты глюкокортикоидов, связанные с влиянием гормонов на экспрессию генов [6—10]. Но, помимо этого, существуют быстрые негеномные эффекты глюкокортикоидов, связанные с непосредственным действием на клеточные мембраны. Глюкокортикоиды обладают способностью усиливать ПОЛ на мембранах эритроцитов. Нами установлено, что у конькобежцев-многоборцев в зимний период тренировочного макроцикла по сравнению с осенним возросло содержания изопропанол-рас-

творимых диеновых конъюгатов эритроцитов (см. таблицу). Таким образом, наши данные свидетельствуют о том, что стресс соревновательного периода, связанный с психологической мобилизацией личности, влияет на результативность спортсменов через многоуровневую регуляцию глюкокортикоидами процессов свободнорадикального окисления. Поэтому эндокринные и метаболические факторы, вовлеченные в эти регуляторные звенья, могут быть рассмотрены в качестве маркеров результативности. Представленные данные имеют пилотный характер. Для выбора среди исследованных параметров информативных маркеров нужны дополнительные исследования.

Список литературы

1. Волчегорский, И. А. Экспериментальное моделирование и лабораторная оценка адаптационных реакций организма / И. А. Волчегорский, И. И. Долгушин, О. Л. Колесников, В. Э. Цейликман. — Челябинск, 2000. — 167 с.
2. Камышников, В. С. Справочник по клинико-биохимическим исследованиям и лабораторной диагностике / В. С. Камышников. — М., 2004. — 920 с.
3. Королюк, М. А. Метод определения активности каталазы / М. А. Королюк, Л. И. Иванова, И. Г. Майорова // Лаб. дело. — 1988. — № 1. — С. 16—19.
4. Цейликман, О. Б. Состояние свободно-радикального окисления в зависимости от уровня спортивного мастерства у конькобежцев / О. Б. Цейликман, И. В. Киреевко, Д. А. Губкин, Е. Л. Рудина, А. В. Линин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Образование, здравоохранение, физическая культура. — 2010. — № 06 (182), вып. 22. — С. 56—58.
5. Чевари, С. Роль супероксиддисмутазы в окислительных процессах клетки и метод определения ее в биологических материалах / С. Чевари, И. Чаба, Й. Секей // Лаб. дело. — 1985. — № 11. — С. 678—681.
6. Hashimoto, S. A new spectrophotometric Assay Method of Xantineoxidase in Grude Tissue Homogenate / S. Hashimoto // Analytical biochemistry. — 1974. — Vol. 62. — P. 426—435.
7. Nagatsu, T. Progress in monoamine oxidase (MAO) research in relation to genetic engineering / T. Nagatsu // Neurotoxicology. — 2004. — Vol. 25, no. 1. — P. 11—20.

8. Oreland, L. Platelet monoamine oxidase, personality and alcoholism: the rise, fall and resurrection / L. Oreland // *Neurotoxicology*. — 2004. — No. 25. P. 79—89.
9. Pereira, B. Hormonal regulation of superoxide dismutase, catalase, and glutathione peroxidase activities in rat macrophages / B. Pereira, L. F. Rosa, D. A. Safi, E. J. Bechara, R. Curi // *Biochem Pharmacol.* — 1995. — Dec. 22; 50(12):2093—2098.
10. Pfeffer, K. D. Xanthine dehydrogenase and xanthine oxidase activity and gene expression in renal epithelial cells. Cytokine and steroid regulation / K. D. Pfeffer, T. P. Huecksteadt, J. R. Hoidal // *The Journal of Immunology*. — 1994. — Vol. 153, no. 4. — P. 1789—1797.
11. Sapolsky, R. How do glucocorticoids influence stress responses? Integrating permissive, suppressive, stimulatory, and preparative actions / R. M. Sapolsky, M. Romero, A. Munck // *Endocrine Reviews*. — 2000. — № 1. — P. 55—82.

Сведения об авторах

Лапшин Максим Сергеевич — кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, заместитель директора Высшей медико-биологической школы Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. lapshin1982@yandex.ru

Резанович Ирина Викторовна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и управления персоналом Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. rezanovichiv@susu.ru

Платунова Наталья Яковлевна — старший преподаватель кафедры «Физическое воспитание и здоровье» Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. soi@csu.ru

Резанович Евгений Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. rezanovich@mail.ru

Комелькова Мария Владимировна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Биомедицинские технологии» Высшей медико-биологической школы Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. mkomelkova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

Education and Healthcare. 2019. № 1—2 (5—6). P. 11—15.

GLUCOCORTICOID-DEPENDENT REGULATION OF FREE-RADICAL OXIDATION IN SKATES

M.S. Lapshin

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. lapshin1982@yandex.ru

I.V. Rezanovich

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. rezanovichiv@susu.ru

N.Ya. Platonova

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. soi@csu.ru

E.A. Rezanovich

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. rezanovich@mail.ru

M.V. Komelkova

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. mkomelkova@mail.ru

Purpose. The search for metabolic markers of performance in skaters based on indicators of glucocorticoid-dependent indicators of free radical oxidation.

Material and methods. The study was performed on 24 volunteer skaters in the autumn and winter periods of the training macrocycle. The athletes estimated the effectiveness of the competitive period in terms of the passage of distances of 500, 1000 and 1500 meters. The plasma levels of cortisol, the activity of prooxidant and antioxidant enzymes were determined. The intensity of lipid peroxidation was determined in erythrocytes.

Results. Negative correlations between the time of passage of a distance, the content of cortisol and the activity of prooxidant and antioxidant enzymes were found. Athletes in the autumn competitive period, the content of cortisol was higher than in the autumn period. Accordingly, in the autumn period, the activity of platelet MAO-B and myeloperoxidase was higher. In contrast, the activity of antioxidant enzymes was lower.

Conclusion. The presence of correlations between performance and glucocorticoid-dependent indicators of free radical oxidation during training periods opens up prospects for the establishment of new markers of the effectiveness of the training process. There is an opportunity for biochemical indicators of training cycles to predict sports results in competitions.

Keywords: skaters, free radical oxidation, pro oxidant and antioxidant enzymes, lipid peroxidation.

References

1. Volchegorsky I.A., Dolgushin I.I., Kolesnikov O.L., Zeylikman V.E. *Experimental modeling and laboratory evaluation of adaptive reactions of the body*. Chelyabinsk, 2000. 167 p. (In Russ.).
2. Kamyshnikov V.S. *Reference book on clinical and biochemical studies and laboratory diagnostics*. Moscow, 2004. 920 p. (In Russ.).
3. Korolyuk M.A., Ivanova L.I., Mayorova I.G. Method of determining the activity of catalase. *Lab. business*, 1988, no. 1, pp. 16-19. (In Russ.).
4. Zeylikman O.B., Kireenko I.V., Gubkin D.A., Rudin E.L., Linin A.V. The state of free-radical oxidation, depending on the level of sportsmanship of skaters. *Bulletin of the South-Ural State University, a series of Education, Health, Physical Culture*, 2010, no. 06 (182), vol. 22, pp. 56-58. (In Russ.).
5. Chevare S., Chaba I., Sekei J. The role of superoxide dismutase in cell oxidative processes and the method for determining it in biological materials. *Lab. business*, 1985, no. 11, pp. 678-681. (In Russ.).
6. Hashimoto S. A new spectrophotometric Assay Method of Xantineoxidase in Grude Tissue Homogenate. *Analytical biochemistry*, 1974, vol. 62, pp. 426-435.
7. Nagatsu T. Progress in monoamine oxidase (MAO) research in relation to genetic engineering. *Neurotoxicology*, 2004, vol. 25, no. 1, pp. 11-20.
8. Orelan L. Platelet monoamine oxidase, personality and alcoholism: the rise, fall and resurrection. *Neurotoxicology*, 2004, vol. 25, pp. 79-89.
9. Pereira B., Rosa L.F., Safi D.A., Bechara E.J., Curi R. Hormonal regulation of superoxide dismutase, catalase, and glutathione peroxidase activities in rat macrophages. *Biochem Pharmacol.*, 1995, Dec 22;50(12):2093-2098.
10. Pfeffer K.D., Huecksteadt T.P., Hoidal J.R. Xanthine dehydrogenase and xanthine oxidase activity and gene expression in renal epithelial cells. Cytokine and steroid regulation. *The Journal of Immunology*, 1994, vol. 153, no. 4, pp. 1789-1797.
11. Sapolsky R., Romero M., Munck A. How do glucocorticoids influence stress responses? Integrating permissive, suppressive, stimulatory, and preparative actions. *Endocrine Reviews*, 2000, no. 1, pp. 55-82.

УДК 378: 7.073
ББК 74.58+77.7

КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Абдулла Хошанг Фархад, И. В. Резанович

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ
№ 17.7255.2017/8.9

В России ежегодно увеличивается количество иностранных студентов, что порождает проблему их ресоциализации. Усвоение новых ценностей, правил и норм поведения — сложный процесс, особенно для взрослых людей. Данное обстоятельство требует особого внимания со стороны вузов, где учатся иностранные студенты. Однако результаты проводимой работы могли бы быть лучше, для этого необходимо рассматривать новые возможности, иные методы, формы и средства работы. Иностранцам студентам сложно на первых порах проявить себя в учебном процессе на высоком уровне, при этом потребность в самореализации и демонстрации своих сильных сторон имеется почти у каждого. Для удовлетворения такой потребности может успешно использоваться культурно-досуговая деятельность иностранных студентов, которая осуществляется системно, по специально разработанной программе. Эта программа должна содержать два направления: удовлетворение амбиций иностранных студентов и освоение ими ценностей российской культуры. Успешность реализации такой программы доказана на примере Южно-Уральского государственного университета.

Ключевые слова: *культурно-досуговая деятельность, ресоциализация, иностранные студенты, социальная адаптация.*

В настоящее время в России обучаются иностранные студенты более чем из 173 стран, и их число ежегодно растет. При этом основной проблемой становится ресоциализация данной социальной группы студентов в связи с разницей менталитета, образа жизни и т. д. Особенно высока значимость данной проблемы для студентов из дальнего зарубежья, так как студенты из СНГ, как правило, хорошо знакомы с российской культурой, системой образования и другими факторами, зачастую формирующими негативные установки у иностранных студентов [3; 6].

Ресоциализация — это «усвоение новых навыков и ценностей, которые должны заменить прежние, устаревшие или недостаточно усвоенные» [2], или необходимые для жизнедеятельности в новых социальных условиях. В отечественной психолого-педагогической науке данный термин в основном рассматривается применительно к социальной группе бывших осужденных, при этом прочие категории (дети-сироты, инвалиды и т. д.) остаются практически без внимания. В отношении иностранных студентов в основном рассматривается термин нарушение социальной адаптации. Мы полагаем данное положение не совсем верным. Социальная адаптация — это процесс активного приспособления человека к условиям, правилам

и требованиям социальной среды [8]. Нас же интересует результат нарушения данного процесса в виде ресоциализации, не сам процесс нарушения социальной адаптации, то есть нарушение социальной адаптации является причиной проведения ресоциализации.

Иностранные студенты относятся к группе риска возникновения потребности в ресоциализации в связи с дестабилизирующими факторами переезда в чужую страну, перехода в вуз из школьного учреждения, возрастных психологических особенностей личности. В рассмотренной нами литературе не обнаружено статистических данных или данных экспериментальных исследований по частоте возникновения данной проблемы и ее уровню, что обуславливает актуальность дальнейшего изучения проблемы в практическом поле.

Многими учеными (А. С. Белкин, А. И. Захаров, Т. В. Шадрин и др.) отмечалось, что в основе специальных программ ресоциализации студенческой молодежи должна быть идея создания «поля, или пространства возможностей», которое будет способствовать позитивному самоопределению личности с помощью включения их в новую, педагогически целесообразную социальную среду. Для иностранных студентов основным средством

создания такого «поля» становится культурно-досуговая деятельность [1].

Личность иностранных студентов отличается от личности студентов своей страны наличием двух субъектных полюсов: первый — студент как субъект складывающейся ситуации в том образовательном учреждении, в котором он учится, второй — студент как субъект, обладающий собственными динамическими характеристиками личности, которые отражают специфику имеющихся личностных ресурсов. Вместе с тем эти характеристики способствуют получению личностных ресурсов из внешней среды, в процессе деятельности и общения. Особенно ярко это проявляется в совместной деятельности, когда студент получает информационный, эмоциональный или энергетический ресурс от партнеров: чем больше совместимость между ценностями студентов, тем больше ресурсов они могут получить друг от друга [4].

Следовательно, процесс ресоциализации иностранных студентов должен быть направлен на координацию между имеющимися ценностями иностранных студентов и приобретаемыми вновь. Для этого необходимо создать «переходное пространство», отличающееся безопасными условиями жизнедеятельности. В таких условиях иностранному студенту обеспечивается укрепление или восстановление связей с самим собой, новым коллективом, социумом в целом, что детерминирует освоение и выполнение новых правил поведения и взаимодействия. В данном случае культурно-досуговая деятельность становится технологическим ресурсом процесса ресоциализации иностранных студентов. С ее помощью ослабляется влияние негативных факторов, успешнее осваиваются новые социальные роли, быстрее образуются дружеские связи с другими студентами.

Анализ соответствующей научной литературы позволил зафиксировать наличие нескольких направлений интересующего нас процесса:

- коррекция самовосприятия и самооценки студентов;
- совершенствование навыков общения и устранение языкового барьера;
- гармонизация отношений со значимым окружением;
- развитие личностных качеств, возможная их коррекция в ситуации их отрицательного влияния на взаимодействие с окружающими [12].

Все вышеуказанное повышает возможности успешной ресоциализации иностранных студентов в рамках культурно-досуговой деятельности,

так как данный этап социализации они будут проходить вместе со сверстниками.

Высокий психолого-педагогический потенциал культурно-досуговой деятельности в процессе ресоциализации иностранных студентов обусловлен коммуникативной основой всех форм данной деятельности, интерактивностью методов осуществления, сочетанием традиционных и инновационных технологий; реализацией программно-целевого принципа формирования коммуникативно-поведенческих основ характера участников творческой деятельности [9].

Студенчество как социальная группа в силу возрастных психолого-педагогических особенностей развития личности имеет наиболее высокий показатель вовлеченности в культурно-досуговую деятельность, что примечательно, в том числе для сознательной социальной адаптации, то есть многие учащиеся вузов приходят к участию в культурно-досуговой деятельности в связи с потребностью самопознания, самореализации и самовыражения [5].

В своей монографии Е. В. Швачко пишет, что «в современных условиях одной из главных функций культурно-досуговой деятельности является создание культурной пространственно-временной развивающей среды, организованной особым образом и предназначенной для включения личности в реальную жизнь и формирования ее социальной активности» [11].

Анализ организации культурно-досуговой деятельности для социальной адаптации и ресоциализации иностранных студентов в нескольких вузах Южного Урала показал, что вышеуказанная функция культурно-досуговой деятельности не реализуется в полной мере. Следует согласиться с Е. А. Пархоменко и Е. В. Чуб, в том, что в молодежной среде все более отчетливо проявляется противоречие между желанием реализации своих творческих потребностей, стремлением к определенным достижениям и недостаточностью умений осуществлять это в свое свободное время. Действительно, данное противоречие во многом предопределяется содержанием культурно-досуговой работы институтов социализации, которое либо очень насыщено мероприятиями развлекательного характера, где участники являются пассивными созерцателями, либо сильно напоминает методами и формами учебную деятельность, что снижает интерес студентов к участию в подобных мероприятиях [7]. Вероятно, недостаточно используется опыт многих поколений в организации

и проведении культурно-досуговых мероприятий, недостаточно учитываются национальные особенности студентов и общие особенности современного поколения.

Во многом это обусловлено тем, что в университетах Южного Урала не сформировано внутренней документации по вопросам организации культурно-досуговой деятельности иностранных студентов, нет дополнительных образовательных программ, работающих в данном направлении.

В то же время в вузах создана система кураторства, шефства старост групп над иностранными студентами. Особенно ценным оказывается студенческое кураторство российских студентов над иностранными. Доброжелательность, заинтересованность в общении и общие интересы делают совместный досуг студентов достаточно увлекательным.

Также проблемным моментом является выделенная в работе Е. В. Швачко применительно к досугу студенческой молодежи «социальная апатия». Как пишет автор «социальная апатия и нигилизм молодежи связаны с неопределенностью общественного идеала, слабой ориентацией на творческие виды занятий, влиянием массовой культуры, низким престижем общественной деятельности. Факт социальной апатии молодежи подтверждают многочисленные социологические, педагогические и психологические исследования» [11]. Вместе с тем анализ поведения иностранных студентов южноуральских вузов не дал нам основания быть солидарными в данном вопросе с другими авторами. Возможно, это связано с тем, что студенты исследуемых вузов жили в общежитиях, где непрерывное общение со сверстниками ускоряло процесс адаптации. Мы отметили высокую социальную активность таких студентов, их стремление к принадлежности к соответствующей социальной группе, заинтересованность в постоянной коммуникации и установлению дружеских отношений с соседями по комнате, этажу и т. п.

Опрос удовлетворенности пребывания иностранных студентов в России показал, что в данном вопросе есть проблемы. Дело в том, что приехавшие студенты в силу имеющегося языкового барьера не могут проявить свои сильные стороны в учебном процессе. Однако не секрет, что едут учиться за границу амбициозные студенты. Отсюда противоречие: есть желание в самореализации, но нет возможности это осуществить. Отчасти решить данное противоречие призвана культурно-досуговая деятельность студентов, которая активно

ведется всеми вузами, где обучаются иностранные студенты.

Однако для России крайне важно, чтобы обучающиеся у нас студенты освоили и приняли ценности, нормы поведения, общения и взаимопомощи, свойственные россиянам. Иными словами, важен процесс ресоциализации. А в этом направлении работа ведется очень слабо, точнее, эта проблема просто не ставится перед культурно-досуговыми объединениями.

Мы считаем, что в каждом вузе должна быть разработана специальная программа по передаче, осознанию и присвоению иностранными студентами ценностей русского народа. Только тогда этот мощный корпус выпускников будет истинным пропагандистом идей и чаяний россиян в своей стране.

Отметим, что формирование новых ценностей — очень сложная задача, особенно сложной она становится в ситуации со взрослыми людьми, имеющими сформированное мировоззрение, обладающими собственными убеждениями и установками. Но делать это нужно.

В Южно-Уральском государственном университете разработана специальная программа подобной работы. Ее эффективность была оценена как высокая на основании следующих результатов.

В период с 1 сентября 2017 г. по 1 марта 2019 г. была проведена оценка уровня ресоциализации иностранных студентов на примере двух университетов Южного Урала (одним из которых был Южно-Уральский государственный университет). В исследовании приняли участие 278 иностранных студентов в возрасте 18—25 лет.

В рамках экспериментального исследования оценивались такие компоненты, как:

1. Уровень адаптации (социально-психологической, социокультурной, межкультурной).
2. Уровень межкультурной коммуникативной компетенции.
3. Уровень социального интеллекта.
4. Толерантность.

По совокупности балльных оценок определялся уровень ресоциализации иностранных студентов: высокий, выше среднего, средний, ниже среднего и низкий.

Первичная диагностика показала очень низкие результаты в каждом вузе, что было ожидаемо, так как студенты только что приехали в Россию и процесс социальной адаптации находился практически на нулевой стадии.

В дальнейшем мы сравнили результаты ресоциализации между студентами избранных университетов. В Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ), как отмечено выше, реализовывалась специальная Программа по ресоциализации иностранных студентов, а во втором вузе проводились культурно-досуговые мероприятия, но не ставилась задача по передаче отечественных ценностей иностранным студентам.

Через полтора года результаты нас порадовали. В ЮУрГУ все иностранные студенты достигли среднего, выше среднего и высокого уровня социализации. Во втором университете, где работа велась набором отдельных мероприятий, только около 50% студентов достигли среднего уровня, чуть более 30% оказались на уровне ниже среднего, а 18% студентов остались на низком уровне. Хотя в культурно-досуговых мероприятиях принимали участие более 70% иностранных студентов.

Таким образом, успешная ресоциализация иностранных студентов во многом предопределяет-

ся поставленными задачами и разработанными программами по их решению. Кроме того, необходимо:

— обеспечить системность и регулярность вовлечения иностранных студентов в культурно-досуговую деятельность;

— разрабатывать дополнительные образовательные программы по организации культурно-досуговой деятельности иностранных студентов;

— совершенствовать систему наставничества при работе кураторов с иностранными студентами посредством внедрения системы целевых показателей, выставления оценок кураторам от подопечных;

— проводить совместные тренинги и деловые игры для включения иностранных студентов в социальные группы студентов их потока на факультете и т. п.

Если все выше сказанное воплотится в практику ресоциализации иностранных студентов, то обозначенная проблема будет решена и цели будут достигнуты.

Список литературы

1. Бекузарова, Н. В. Культурно-досуговая деятельность и ее организация студентами СФУ / Н. В. Бекузарова, А. В. Смоленцева // *Современные проблемы науки и образования*. — 2015. — № 5.
2. Жегульская, Ю. В. Культурно-досуговая деятельность как средство социально-педагогической адаптации студентов вуза культуры и искусств / Ю. В. Жегульская // *Мир науки, культуры, образования*. — 2014. — № 2 (45). — С. 3—5.
3. Мартинович, Н. В. Образование как процесс социализации и инкультурации личности / Н. В. Мартинович // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. — 2012. — № 4 (48). — С. 136—139.
4. Мацукевич, О. Ю. Ситуативный подход к решению задач ресоциализации личности / О. Ю. Мацукевич // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. — 2011. — № 5. — С. 129—133.
5. Немов, Р. С. Психология. Кн. 1. Общие основы психологии : учебник / Р. С. Немов. — М. : Владос, 2013. — 687 с.
6. Орлова, И. В. Биосоциальные факторы социализации иностранных учащихся в российском вузе / И. В. Орлова // *Основные проблемы общественных наук : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф.* — 2015. — С. 37—39.
7. Пархоменко, Е. А. Культурно-досуговая деятельность как основа социального развития современной молодежи / Е. А. Пархоменко, Е. В. Чуб // *Материалы научной и научно-методической конференции Кубанского гос. ун-та физ. культ., спорта и туризма*. — 2015. — № 2. — С. 187—188.
8. Петровский, А. В. Основы теоретической психологии : учебник / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. — М. : Академия, 2010. — 528 с.
9. Писанко, В. А. Культурно-досуговая деятельность как сфера социализации человека и гуманизации общества / В. А. Писанко // *Человек и образование*. — 2008. — № 2. — С. 64—68.
10. Шамсутдинова, Д. В. Социально-культурная и культурно-досуговая деятельность как самостоятельная область общественной практики / Д. В. Шамсутдинова, Р. И. Турханова // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. — 2012. — № 3-1. — С. 76—78.
11. Швачко, Е. В. Культурно-досуговая деятельность как средство преодоления социальной апатии студенческой молодежи : монография / Е. В. Швачко. — Челябинск, 2012. — 190 с.

12. Шапошникова, Т. Д. Ресоциализация как проблема социальной педагогики / Т. Д. Шапошникова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2008. — Т. 14, № 4.

Сведения об авторах

Абдулла Хошанг Фархад — кафедра экономики труда и управления персоналом Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. rezanovichiv@susu.ru

Резанович Ирина Викторовна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики труда и управления персоналом Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. rezanovichiv@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

Education and Healthcare. 2019. № 1—2 (5—6). P. 16—21.

CULTURAL AND LEISURE ACTIVITIES AS A MEANS OF RESOCIALIZATION OF FOREIGN STUDENTS

Abdullah Khoshang Farhad

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. rezanovichiv@susu.ru

I.V. Rezanovich

South-Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia. rezanovichiv@susu.ru

The number of foreign students in Russia is increasing every year, which creates the problem of their resocialization. Assimilation of new values, rules and norms of behavior is a difficult process, especially for adults. This circumstance requires special attention from universities where foreign students study. However, the results of the work could be better, it is necessary to consider new opportunities, other methods, forms and means of work. At first, it is difficult for foreign students to express themselves in the educational process at a high level, while everyone has a need for self-realization and demonstration of their strengths. Cultural and leisure activities of foreign students, which are carried out systematically according to a specially designed program, can be successfully used to meet this need. This program should contain two directions: satisfaction of foreign students' ambitions and development of values of the Russian culture by them. The success of such a program is proved by the example of South Ural State University.

Keywords: *cultural and leisure activities, resocialization, foreign students, social adaptation.*

References

1. Bekuzarova N.V., Smolenceva A.V. Kulturno-dosugovaya deyatelnost i ee organizaciya studentami SFU. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 5. (In Russ.).
2. Zhegul'skaya Yu.V. Kulturno-dosugovaya deyatelnost kak sredstvo socialno-pedagogicheskoy adaptacii studentov vuza kultury i iskusstv. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2014, no. 2 (45), pp. 3-5. (In Russ.).
3. Martinovich N.V. Obrazovanie kak process socializacii i inkulturacii lichnosti. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2012, no. 4 (48), pp. 136-139. (In Russ.).
4. Macukevich O.Yu. Situativnyj podhod k resheniyu zadach resocializacii lichnosti. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2011, no. 5, pp. 129-133. (In Russ.).
5. Nemov R.S. *Psihologiya. Kniga 1. Obshie osnovy psihologii*. Moscow, Vldos, 2013. 687 p. (In Russ.).
6. Orlova I.V. Biosocialnye factory socializacii inostrannyh uchashihhsya v rossijskom vuze. *Osnovnye problem obshchestvennyh nauk Sbornik nauchnyh trudov poitogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2015. Pp. 37-39. (In Russ.).
7. Parhomenko E.A., Chub E.V. Kulturno-dosugovaya deyatelnost kak osnova socialnogo razvitiya sovremennoj molodezhi. *Materialy nauchnoj i nauchno-metodicheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoy kultury, sporta i turizma*, 2015, no. 2, pp. 187-188. (In Russ.).

8. Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G. *Osnovyteoreticheskopsihologii*. Moscow, Akademiya, 2010. 528 p. (In Russ.).
9. Pisanko V.A. Kulturno-dosugovaya deyatelnost kak sfera socializacii cheloveka i gumanizacii obshestva. *Chelovek i obrazovanie*, 2008, no. 2, pp. 64-68. (In Russ.).
10. Shamsutdinova D.V., Turhanova R.I. Socialno-kulturnaya ikulturno-dosugovayadeyatelnostkak samostoyatel'naya oblast obshestvennojpraktiki. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2012, no. 3-1, pp. 76-78. (In Russ.).
11. Shvachko E.V. *Kulturno-dosugovaya deyatelnost kak sredstvo preodoleniy asocialnoj apatii studentcheskoj molodezhi*: monografiya. Chelyabinsk, 2012. 190 p. (In Russ.).
12. Shaposhnikova T.D. Resocializaciya kak problema socialnoj pedagogiki. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Socialnaya rabota. Yuvnenologiya. Sociokinetika*, 2008, vol. 14, no. 4, pp. 181. (In Russ.).

СООБЩЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ REPORTS OF YOUNG SCIENTISTS

*Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 1—2 (5—6). С. 22—26.*

УДК 159.923
ББК 88.37

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А. С. Отрадна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

В деятельности сотрудников органов внутренних дел проявляется множество факторов, влияющих на удовлетворенность качеством жизни, а значит, и на ощущение счастья, психологическое и психическое здоровье. В статье представлены подходы к определению понятия «удовлетворенность жизнью» в отечественной и зарубежной психологии. Предъявлены результаты эмпирического исследования, доказывающего взаимосвязь удовлетворенности жизнью (как компонента субъективного психологического благополучия) с жизнестойкостью у сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: *удовлетворенностью жизнью, жизнестойкость.*

В современных исследованиях преобладает тенденция к изучению человека с точки зрения его позитивного функционирования, выявлении тех качеств и черт личности, которые обуславливают его благополучие, удовлетворенность жизнью (Э. Дайнер, Р. Эммонс Р. М. Шаминов, М. В. Соколова, Г. Л. Пучкова, Е. Е. Бочарова, Н. К. Бахарева и др.).

Согласно эмпирическим данным, удовлетворенность качеством жизни является первым выявленным показателем счастья и значимой составляющей психологического и психического здоровья [11].

В деятельности сотрудников органов внутренних дел данный вопрос приобретает особую актуальность, поскольку их работа сопряжена с высоким уровнем психического, эмоционального и физического напряжения, воздействием различных неблагоприятных факторов, которые могут стать причиной снижения общей психической устойчивости организма, появления чувства неудовлетворенности результатами своей деятельности, отказу от выполнения заданий в ситуациях повышенных требований и т. д.

Отдельные вопросы, связанные с изучением данного явления, представлены в исследованиях К. А. Абульхановой-Славской, М. Аргайла, Э. Динера, И. А. Джидарьян, К. Роджерса, А. В. Петровского, К. Рифф, М. Селигмана и др.

В зарубежной литературе «удовлетворенность жизнью» рассматривается во взаимосвязи с реализа-

цией потребностей различного уровня, а также процессами самоактуализации и осмысленности своей жизни [8]. Наибольшее развитие это направление получило в рамках позитивной психологии, где удовлетворенность жизнью чаще всего рассматривается как компонент в системе более сложных психологических образований: психологическое благополучие, субъективное благополучие и счастье [1; 2; 8].

В частности, в работах Н. Бредберна, Э. Динера, М. Селигмана, М. Чиксентмихайи, М. Ягоды, М. Аргайла, К. Рифф раскрыты основные положения теории психологического благополучия, которые впоследствии получили развитие в трудах современных ученых.

Так, в 1969 г. была опубликована работа американского психолога Н. Бредберна «Структура психологического благополучия», в которой автор определил данный феномен как баланс между двумя комплексами эмоций, накапливаемых в течение жизни, — позитивным и негативным (в дословном переводе это позитивный и негативный аффект) [см.: 6].

Впоследствии эта теория получила развитие в работах Э. Динера, который рассматривал благополучие как интегральную оценку человеком своей жизни, объединяющую различные оценки, которые он дает происходящим с ним событиям и обстоятельствам жизни. В качестве основных компонентов благополучия Динером выделены:

комплекс приятных эмоций (pleasant affect), комплекс неприятных эмоций (unpleasant affect) и удовлетворенность жизнью [Там же].

Основываясь на результатах эмпирических исследований, Э. Динер выявил, что «благополучные» респонденты отличаются положительными эмоциями независимо от влияния жизненного опыта. Исходя из этого он предположил, что склонность позитивного реагирования может быть связана не столько с внешними факторами, сколько с личностными особенностями человека.

В дальнейшем в исследовании К. Рифф были выделены шесть основных составляющих психологического благополучия: наличие цели в жизни, положительные отношения с другими, личностный рост, управление окружением, самопринятие и автономия [См.: Там же].

В рамках отечественных исследований «благополучие» рассматривается с разных точек зрения: как комплексный феномен, для переживания которого важны разные составляющие сферы жизни человека (Л. В. Куликов); как показатель отношения человека к себе, своей личности, жизни и процессам, которые имеют существенное значение для самой личности с точки зрения интернализированных нормативных представлений о внутренней и внешней среде, — показатель отношения, которое характеризуется ощущением удовлетворенности (Р. М. Шаминов [11]); как системное качество человека, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций (А. В. Воронина [3]) (См. также [4]).

Мы, в свою очередь, разделяем точку зрения авторов, которые рассматривают психологическое благополучие как ресурсное состояние личности, включающее совокупность компонентов, характеризующих степень позитивного и полноценного функционирования [9]. А «удовлетворенность жизнью» является когнитивным компонентом субъективного психологического благополучия, который отражает оценку субъектом своей жизни в целом, без детализации и обращения к ее отдельным составляющим [Там же].

Вместе с тем ряд исследователей обращают внимание на то, что удовлетворенность жизнью взаимосвязана с устойчивостью человека к стрессовым ситуациям, достижению поставленных целей и другими факторами. В связи с этим мы предположили, что удовлетворенность жизнью (как компонент субъективного психологического благополучия) взаимосвязана с жизнестойкостью. В работе С. Мадди жизнестойкость определена

как интегральная характеристика личности, которая оказывает влияние на успешность преодоления человеком жизненных трудностей и включает вовлеченность в процесс жизни, готовность контролировать значимые события своей жизни и принятие вызова жизни [См.: 5].

Согласно исследованиям, жизнестойкость побуждает к активным действиям, человек перестает воспринимать стресс как нечто травматичное или опасное, убеждения дают осознания владения ситуацией, в результате чего добавляется уверенность в себе.

Исходя из этого мы предположили, что удовлетворенность жизнью сотрудников органов внутренних дел взаимосвязана с компонентами жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска). Для подтверждения выдвинутого нами предположения проведено исследование по изучению особенностей удовлетворенности жизнью сотрудников органов внутренних дел.

Всего в исследовании приняли участие 55 сотрудников органов внутренних дел, мужчины и женщины в возрасте от 24 до 46 лет.

В эмпирической части нами были использованы: опросник для оценки качества жизни (Н. Е. Водопьянова); тест жизнестойкости С. Мадди; методика диагностики иррациональных установок (А. Эллис); методика «Ценностный опросник» Ш. Шварца.

Данные, полученные в ходе психодиагностического исследования по выбранным методикам обрабатывались в программе Microsoft Excel с применением методов математической обработки данных в программе SPSS20.0.

Исследование удовлетворенности жизнью сотрудников органов внутренних дел позволило выявить особенности и содержательные характеристики данного явления. На основании полученных данных нами были выделены две группы сотрудников (в зависимости от уровня удовлетворенности жизнью).

Так, у первой группы (74% сотрудников) отмечаются высокие показатели по шкалам «Личные достижения», «Здоровье», «Общение с близкими». Это позволяет предположить, что они положительно оценивают результаты своей деятельности, видят перспективы дальнейшего развития, взаимоотношения с окружающими носят конструктивный характер. Им несвойственны завышенные ожидания в отношении других лиц. Уверенно принимают решения и готовы нести за них ответственность. Обладают оптимальными личностными

ресурсами, что позволяет эффективно выполнять оперативно-служебные задачи. По шкалам теста жизнестойкости в данной группе также отмечают высокие показатели.

Для второй группы (26% сотрудников) отмечается низкая степень удовлетворенности качеством жизни, что может проявляться в недостаточной уверенности в своих силах и возможностях. Так, у представителей данной группы отмечаются низкие показатели по шкалам «Личные достижения», «Здоровье». Это может свидетельствовать о неудовлетворенности происходящим в их жизни, могут чувствовать себя не очень удачливыми. Жизненные ценности и принципы могут носить «размытый» характер. О низком уровне удовлетворенности жизнью также свидетельствуют данные по тесту жизнестойкости.

Далее с целью выявления статистически значимых различий между двумя группами был применен критерий Краскела–Уоллиса, который позволил установить наличие различий по следующим показателям (см. таблицу ниже).

Результаты анализа свидетельствуют о статистически значимых различиях между сравниваемыми группами по шкалам опросника оценки качества жизни и теста жизнестойкости.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что сотрудники первой группы отличаются не только более высокими показателями удовлетворенности качеством жизни, но и выраженными характеристиками жизнестойкости.

Следовательно, результаты эмпирического исследования на выборки действующих сотрудников ОВД свидетельствуют о достоверности выдвинутой нами гипотезы. Так, сотрудники полиции с высоким уровнем психологического благополучия характеризуются высокими показателями удовлетворенности качеством жизни, а также компонентами жизнестойкости. Вследствие этого мы предположили, что они способны успешнее совладать со стрессом и эффективно справляться с оперативно-служебными задачами.

**Различия у сотрудников личностных переменных
в зависимости от уровня психологического благополучия
(по U-критерию Манна — Уитни, n = 55)**

Переменная	Сумма рангов		p-уровень
	1 группа	2 группа	
Работа	33,35	12,32	,000
Личные достижения	34,45	9,11	,000
Здоровье	34,38	9,32	,000
Общение с близкими	33,90	10,71	,000
Поддержка	33,02	13,29	,000
Оптимистичность	31,18	18,68	,011
Напряженность	33,62	11,54	,000
Самоконтроль	33,40	12,18	,000
Негативные эмоции	32,62	14,46	,000
Вовлеченность	32,78	14,00	,000
Контроль	33,24	12,64	,000
Принятие риска	31,41	18,00	,007

Список литературы

1. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. — М., 1990. — 336 с.
2. Боннивёл, И. Ключи к благополучию: что может позитивная психология? / И. Боннивёл ; пер. с англ. М. Бабичевой. — М., 2009. — 192 с.
3. Воронина, А. В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа / А. В. Воронина // Сибирский психологический журнал. — 2005. — № 21. — С. 142—147.
4. Долгов, Ю. Н. Субъективное благополучие личности в контексте жизненных стратегий / Ю. Н. Долгов // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии : сб. ст. по материалам XXXII междунар. науч.-практ. конф. — № 9 (32). — Новосибирск: СибАК, 2013.

5. Лобза, О. В. Жизнестойкость как компонент психологической безопасности личности / О. В. Лобза // Вестник Прикамского социального института. — 2019. — С. 75—79.
6. Орлова, Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) / Д. Г. Орлова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 1: Психологические и педагогические науки. — 2015. — № 1. — С. 28—36.
7. Павлоцкая, Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности : монография / Я. И. Павлоцкая. — Волгоград : Изд-во Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС, 2016.
8. Хашумов, М. А.-К. Содержание понятия «удовлетворенность жизнью» в зависимости от ее уровня у сотрудников органов внутренних дел / М. А.-К. Хашумов // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2016. — № 4 (67). — С. 79—83.
9. Черткова, Ю. Д. Взаимосвязь жизнестойкости с удовлетворенностью жизнью / Ю. Д. Черткова, О. С. Алексеева, А. Я. Фоминых // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2016. — № 3 (513). — С. 109—114.
10. Шаймухаметова, С. Ф. Удовлетворенность качеством жизни как коррелят жизнестойкости личности / С. Ф. Шаймухаметова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2019. — № 2 (27). — С. 406—408.
11. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р. М. Шамионов. — Саратов, 2008. — 296 с.

Сведения об авторе

Отраднава Александра Сергеевна — преподаватель кафедры психологии служебной деятельности и педагогики Уральского юридического института МВД России, Екатеринбург, Россия. alya.otradnova@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 1—2 (5—6). P. 22—26.*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF SATISFACTION WITH LIFE OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

A.S. Otradnova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia. alya.otradnova@inbox.ru

In the activities of employees of the internal affairs bodies, many factors are manifested that affect satisfaction with the quality of life, and hence the feeling of happiness, psychological and mental health. The article presents approaches to the definition of the concept of “life satisfaction” in domestic and foreign psychology. The results of an empirical study proving the relationship of life satisfaction (as a component of subjective psychological well-being) with the resilience of ATS officers are presented.

Keywords: *life satisfaction, resilience.*

References

1. Argyl M. *Psychology of happiness*. Moscow, 1990. 336 p. (In Russ.).
2. Bonnywell I. *Keys to Well-Being: What Can Positive Psychology Do?* Moscow, 2009. 192 p. (In Russ.).
3. Voronina A.V. The problem of mental health and human well-being: a review of concepts and the experience of structural-level analysis. *Siberian Psychological Journal*, 2005, no. 21, pp. 142-147. (In Russ.).
4. Dolgov Yu.N. Subjective well-being of a person in the context of life strategies. *Person, family and society: issues of pedagogy and psychology: Sat. XXXII Int. scientific-practical conf.* No. 9 (32). Novosibirsk, SibAK, 2013. (In Russ.).
5. Lobza O.V. Resilience as a component of psychological security of a person. *Bulletin of the Prikamsky social institute*, 2019, pp. 75-79. (In Russ.).

6. Orlova D.G. Psychological and subjective well-being: definition, structure, research (review of modern sources). *Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences*, 2015, no. 1, pp. 28-36. (In Russ.).

7. Pavlotskaya Y.I. *Psychological well-being and socio-psychological characteristics of personality*: monograph. Volgograd, Publishing house of the Volgograd Institute of Management, a branch of RANEPa, 2016. (In Russ.).

8. Khashumov M.A.-K. The content of the concept of “satisfaction with life” depending on its level among employees of law enforcement bodies. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 2016, no. 4 (67), pp. 79-83. (In Russ.).

9. Chertkova Yu.D., Alekseeva O.S., Fominykh A.Ya. Interrelation of resilience with life satisfaction. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture*, 2016, no. 3 (513), pp. 109-114. (In Russ.).

10. Shaimukhametova S.F. Satisfaction with the quality of life as correlates of a person’s vitality. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*, 2019, no. 2 (27), pp. 406-408. (In Russ.).

11. Shamionov R.M. *Subjective well-being of a personality: psychological picture and factors*. Saratov, 2008. 296 p. (In Russ.).

ОБЗОР МНЕНИЙ OVERVIEW OF OPINIONS

*Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 1—2 (5—6). С. 27—31.*

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ПСИХОЛОГИЯ ОТЦОВСТВА: ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ОТЦА В РОДИТЕЛЬСТВЕ

О. Л. Антипова

Детский центр «Логика», Миасс, Россия

Статья посвящена вопросам отцовства в современном обществе и закономерностям, влияющим на развитие семьи. Исследования феномена отцовства продиктовано активностью отцов и интересом общества. Принятие роли отца обществом способствует полноценному и всестороннему развитию подрастающего поколения. Анализ исследований констатирует необходимость системного изучения роли отца в родительстве, вклад родителя в психическое становление ребенка.

Ключевые слова: *родительство, феномен отцовства, факторы развития отцовства, роль отца.*

Введение

Исторически сложилась тенденция пристального внимания общества к семье и родительству, а изменения в современном обществе привели к «кризису развития семьи» [15]. Перераспределение роли отца и матери создали условия для укрепления авторитета мужчины [17. С. 143]. Фиксируемые исследователями положительные изменения в ролевых и функциональных обязанностях родителей, ценностных и личностных проявлениях (особенно выделяют отцовскую роль [15]) актуализировали значимость исследования феномена отцовства.

На развитие семьи оказывают влияние различные закономерности, первой из которых является влияние ряда гуманитарных дисциплин на формирование семьи [11. С. 7]: психотерапии, социологии, педагогики и юриспруденции. Внимание данных дисциплин подтверждает значимость родительства для формирования гармонично развитой личности. Современная наука поддерживает «междисциплинарный характер исследований в области психологии семьи» [10. С. 7], что является второй закономерностью. Меняющийся мир всегда был и будет под пристальным вниманием идеологов и исследователей, чьи взгляды радикально различаются. «Включение мировоззренческих позиций» [Там же. С. 8] является третьей закономерностью. И, как следствие, в развитии общества происходят изменения, которые приводят к появлению четвертой закономерности — «возникновению “запретных тем” в исследовательской деятельности» [Там же].

Это темы однополых браков и детей без попечения родителей.

Преобразования в обществе приводят к возникновению пятой закономерности: «появление новых предметов исследований в рамках психологии семьи» [Там же], в том числе, как следствие противостояния дефеминизации, увеличение числа исследований психологии отцовства. Шестая тенденция подтверждает высокий статус психологии семьи как отрасли психологической науки: «на предметном поле психологии семьи решается ряд фундаментальных научных проблем» [Там же], где семья является основой стабильности и полноценного развития общества [Там же. С. 9].

Перечисленные закономерности высвечивают актуальность и необходимость разработки проблемы семьи и отцовства, в частности актуальность системного исследования вклада родителя-отца в психическое становление ребенка.

Обсуждение полученных результатов

В структуре гендерных ролей за последние годы произошли изменения, связанные с проявлением активности отцов. Ш. Барт утверждает, что в результате пересмотра и детализации обществом функции отцовства происходит разделение гендерных ролей и формируется новая гендерная система. Отцовство является социальной и статусной ролью в рамках гендерной психологии и психологии личности [8. С. 105], где совокупность исторических и социальных установок, накопленный опыт, связанный с планированием семьи, влияет

на отношение к детям и к себе как к родителю. Идентичность отцовства, как феномен микро- и макросоциальный, определяется принципами отношения взрослых к детям и гражданским самосознанием. Это эмоционально и оценочно окрашенный комплекс знаний, представлений, убеждений о себе как о родителе [7. С. 78]. Отцовская любовь не является врожденной, а формируется в первые годы жизни ребенка как соответствие определенным социальным требованиям и ожиданиям достижений [18. С. 135]. Возникновение отцовства как феномена стало возможным при смене полигамии на моногамию в семейных отношениях [14. С. 49]. Б. И. Кочубей в книге «Мужчина и ребенок» аргументировал причину кризиса отцовства разрушением традиций патриархальной семьи, что привело к второстепенной роли отца и превратилось в дело матери [См.: 2]. Такое эгалитарное устройство семьи привело к нарушению взаимосвязи старшего и младшего поколений и передачи опыта воспитания [6].

Закономерно рассмотреть феномен отцовства с двух взаимосвязанных точек зрения: функциональное влияние на развитие ребенка и реализация мужчины [3. С. 126]. Согласно теоретическим исследованиям У. Ю. Севостьяновой, структурная модель отношения отца к ребенку состоит из двух подсистем: отношение к себе (внутренний образ себя как отца и мужчины; приобретенные знания, умения и навыки, а также деятельность и оценка себя); отношение к ребенку (образ ребенка, позиция отца к ребенку, интерактивность отца и ребенка). Все приобретенные качества влияют на конституциональные характеристики личности: эмоциональные, когнитивные и поведенческие. Следовательно, на развитие отцовства влияют внешние и внутренние факторы: 1) внутриличностные (психофизиологические и личностные особенности человека, генотип, психосоматическое здоровье, индивидуальные особенности психофизиологического развития, доминирующее психическое состояние); 2) внутренняя позиция (отношение к миру вещей, людям, самому себе, активность во взаимодействии со средой, особенности характера); 3) внутрисемейные или внешние (микроклимат семьи, в которой вырос, модель семьи, особенности полоролевого воспитания); 4) родительский опыт самого индивида; 5) культурно-исторический фактор [16. С. 40].

Мотивированное участие мужчины в воспитании детей дает чувство удовлетворенности и уверен-

ности [4. С. 50]. На выбор модели отцовского поведения влияют уровни развития представления об этой роли у мужчин: 1) уровень общества; 2) собственной семьи; 3) индивидуальный (субъективный) : влияние личностного показателя на представления об отцовской роли [13. С. 171].

Представления об отцовской роли формируются под влиянием факторов окружающей среды, и Ю. В. Борисенко считает, что их можно объединить в четыре группы. Первая группа — это отношения в супружеской диаде. Вторая — характеризует воздействие матери ребенка на формирование мужчины в роли отца. Третья — объединяет факторы окружающей среды, а четвертая — личностные особенности самого ребенка [Там же]. При патерналистской депривации отец не участвует в воспитательном процессе, действует неправильно или бездействует, возникает инверсия ролей [1. С. 60].

О. Г. Калина и А. Б. Холмогорова отмечают значимость участия отца в возникновении у ребенка гендерной принадлежности и эмоционального благополучия [11. С. 60]. Наличие в образе отца позитивной составляющей вне зависимости от наличия его в семье способствует формированию маскулинности у подростков-мальчиков и феминности у девочек. Негативный отцовский образ или недостаточно дифференцированный формирует высокий показатель тревожности и депрессивной симптоматики [Там же. С. 68], а удовлетворение потребности эмоционально-психического благополучия и чувство защищенности влияют на способность ребенка противостоять групповому давлению в дальнейшем [14. С. 52].

В последнее время в обществе изменился стереотип восприятия роли отца как слабого и неадекватного на активно участвующего в воспитании ребенка, общающегося и эмоционально взаимодействующего, выполняющего все родительские функции [16. С. 39]. Д. Росс определил детерминанты, способствующие в дальнейшем качеству участия отца в жизни и воспитании ребенка: 1) индивидуальные — важны возраст (когда субъект стал отцом), пол ребенка, мотивация, отношения и убеждения отца, пример взаимоотношений в родительской семье; 2) семья как система взаимоотношений в триангуляции (отец — мать — ребенок) и диаде (муж — жена); 3) внесемейные предикторы, то есть ближайший социум (родственники, соседи, друзья); 4) официальные и коллективные факторы (коллеги, здравоохранение); 5) культурные факторы (воспитание, отношение и понимание роли отца,

понятия и традиции, относящиеся к национальным особенностям) [См.: 3. С. 126].

Выводы

На основании анализа вышеизложенного заключаем:

1. На развитие семьи оказывают влияние различные факторы, причиной и преобразованием которых является постоянно меняющийся мир и общество во всех его связях и отношениях.

2. Положительные изменения в ролевых и функциональных обязанностях родителей, ценностных и личностных проявлениях особенно выделили отцовскую роль и актуализировали значимость исследования феномена отцовства, как коллективного субъекта.

3. В структуре гендерных ролей за последние годы произошли изменения, связанные с проявлением активности отцов, а совокупность исторических и социальных установок, накопленный опыт влияют на отношение к детям и себе как родителю.

4. Исследователи считают важным влияние отца на полоролевую идентификацию ребенка и необходимое усвоение моральных норм. Присутствие отца способствует более высокому интеллектуальному развитию, положительному формированию эмоционально-личностной сферы и характерологических особенностей.

5. Отцовская любовь не является врожденной, а формируется в первые годы жизни ребенка, поэтому для отца важно принятие его в обществе, подкрепленное исполненным чувством долга и осознанности жизни.

6. Отец развивает социальную компетентность, поощряя активность ребенка, проторяя путь к человеческому обществу. Ему необходимо воспитать хранителя традиций, продолжателя рода и родовой памяти.

7. Характер воспитательной деятельности отца зависит от сочетания интенсивности, стойкости и длительности воздействия внешних и внутренних факторов. Основой проявления отцовства является мотивационно-потребностная сфера.

Список литературы

1. Авдеева, Н. Н. Психология отцовства / Н. Н. Авдеева // Папы всякие нужны: О роли отца в воспитании детей : сборник. — М. : Изд-во Моск. патриархии Рус. православ. церкви, 2012.
2. Архиреева, Т. В. Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии / Т. В. Архиреева // Психологические проблемы современной семьи : сб. тезисов VI Междунар. науч. конф., Москва — Звенигород, 30 сент. — 4 окт. 2015 г. — М. : МГУ, 2015. — С. 658—676.
3. Архиреева, Т. В. Родительство в гендерном аспекте / Т. В. Архиреева // Гендерная психология. — 2-е изд. / под ред. И. С. Клециной. — СПб. : Питер, 2009.
4. Борисенко, Ю. В. Модель взаимосвязи факторов, определяющих специфику отцовства / Ю. В. Борисенко // Семейная психология и семейная терапия. — 2006. — № 2. — С. 44—55.
5. Борисенко, Ю. В. Особенности родительского отношения отчимов / Ю. В. Борисенко // Психологические проблемы современной семьи : сб. тезисов VI Междунар. науч. конф., Москва — Звенигород, 30 сент. — 4 окт. 2015 г. — М. : МГУ, 2015. — С. 685—694.
6. Горлова, Е. Л. Перспективы изучения родительской позиции / Е. Л. Горлова // Психологические проблемы современной семьи : сб. тезисов VI Междунар. науч. конф., Москва — Звенигород, 30 сент. — 4 окт. 2015 г. — М. : МГУ, 2015. С. 685—694.
7. Гукасова, Г. С. Социально-психологические и социально-педагогические характеристики материнства и отцовства как феномена [Электронный ресурс] / Г. С. Гукасова // Сибирский педагогический журнал. — 2012. — № 4. — С. 78—81. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-i-sotsialno-pedagogicheskie-harakteristiki-materinstva-i-ottsovstva-kak-fenomena> (дата обращения 07.11.2019).
8. Евсеенкова, Ю. В. Отцовство как структурно-динамический феномен / Ю. В. Евсеенкова, А. Г. Портнова // Сибирская психология сегодня : сборник. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. — С. 104—110.
9. Журавлев, А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта [Электронный ресурс] / А. Л. Журавлев // Институт психологии РАН. Человек и мир. — 2018. — № 11. — С. 23—27. — URL: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennie-issl/sovremennie-issl-2/a-l-juravlev.html> (дата обращения 16.11.2019).

10. Зуев, К. Б. Психология семьи в современной России: некоторые тенденции (вместо предисловия) / К. Б. Зуев // Семья, брак и родительство в современной России / отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. — М. : Когито-Центр, 2014. — 280 с.
11. Калина, О. Г. Роль отца в психическом развитии ребенка: монография / О. Г. Калина, А. Б. Холмогорова. — М. : ИНФРА-М, 2017. — 112 с.
12. Клецина, И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности / И. С. Клецина // Женщина в российском обществе. — 2009. — № 3.
13. Михайлова, А. И. Социокультурная детерминация родительства: отцовский вариант / А. И. Михайлова // Ученые записки ЗабГУ. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. — 2010. — № 4. — С. 169—172.
14. Нехочихина, А. А. Институт отцовства в современном обществе / А. А. Нехочихина // Молодой ученый. — 2010. — № 11 (22), т. II. — С. 49—54.
15. Латышева, Ю. А. Специфика отцовской роли: традиционный и и новый взгляд на проблему / Ю. А. Латышева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2012. — № 4, т. 18. — С. 36—38.
16. Севостьянова, У. Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским стажем / У. Ю. Севостьянова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2012. — № 4, т. 18. — С. 39—43.
17. Семейная психология. Ч. 1 : сб. студенч. работ / отв. ред. Г. Ф. Ушамирская. — М. : Студенческая наука, 2012. — 1176 с.
18. Смыслов, Д. А. Отцовство как общественный и социально-психологический феномен / Д. А. Смыслов, И. В. Доценко // Ученые записки РГСУ. — 2011. — № 7. — С. 133—139.

Сведения об авторе

Антипова Ольга Леонидовна — психолог детского центра «Логика», Миасс, Россия. oliant70@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 1—2 (5—6). P. 27—31.*

PSYCHOLOGY OF PATERNITY: TRENDS IN RESEARCH OF THE ROLE OF THE FATHER IN THE PARENT

O.L. Antipova

Children's Center "Logic", Miass, Russia. oliant70@yandex.ru

The article is devoted to issues of fatherhood in modern society and patterns that affect family development. Studies of the phenomenon of fatherhood are dictated by the activity of fathers and the interest of society. The adoption of the role of father by society contributes to the full and comprehensive development of the younger generation. Analysis of the studies indicates the need for a systematic study of the role of the father in parenthood, the contribution of the parent to the mental formation of the child.

Keywords: *parenthood, the phenomenon of fatherhood, paternity development factors, the role of father.*

References

1. Avdeeva N.N. Psychology of fatherhood. *All sorts of dads are needed: On the role of the father in raising children (collection)*. Moscow, Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2012. (In Russ.).
2. Arkhireeva T.V. The main directions of the study of the problem of paternity in psychology. *Psychological problems of the modern family. VI International Scientific Conference*. Moscow, 2015. Pp. 658-676. (In Russ.).

3. Arkhireeva T.V. *Parenthood in a gender perspective. Gender Psychology*. St. Petersburg, Peter, 2009. 496 p. (In Russ.).
4. Borisenko Yu.V. A model of the relationship of factors determining the specificity of fatherhood. *Family Psychology and Family Therapy*, 2006, no. 2, pp. 44-55. (In Russ.).
5. Borisenko Y.V. Features of the parental relationship of stepfathers. *Psychological problems of the modern family. VIth International Scientific Conference*. Moscow, 2015. Pp. 685-694. (In Russ.).
6. Gorlova E.L. Prospects for the study of parental position. *Psychological problems of the modern family. VIth International Scientific Conference*. Moscow, 2015. Pp. 685-694. (In Russ.).
7. Gukasova Gayane Sergeevna Socio-psychological and socio-pedagogical characteristics of motherhood and fatherhood as a phenomenon. *Siberian Pedagogical Journal*, 2012, no. 4, pp. 78-81. (In Russ.).
8. Evseenkova Yu.V., Portnova A.G. Fatherhood as a structural-dynamic phenomenon. *Siberian Psychology today*. Kemerovo, 2003. Pp. 104-110. (In Russ.).
9. Zhuravlev A.L. Psychological features of the collective subject. *Institute of Psychology RAS. Man and the world*, 2018, no. 11, pp. 23-27. Available at: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/sovremennye-issli/sovremennye-issli-2/a-l-juravlev.html>, accessed 11.16.2019.
10. Zuev K.B. Family psychology in modern Russia: some trends (instead of the foreword). *Family, marriage and parenthood in modern Russia*. Moscow, Kogito-Center, 2014. 280 p. (In Russ.).
11. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. *Role of the father in the mental development of the child*. Moscow, INFRA-M, 2017. 112 p. (In Russ.).
12. Kletsina I.S. Paternity in analytical approaches to the study of masculinity. *Woman in Russian society*, 2009, no. 3. (In Russ.).
13. Mikhailova A.I. Sociocultural determination of parenthood: the paternal version. *Uchenye zapiski Zab-GU. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work*, 2010, no. 4, pp. 169-172. (In Russ.).
14. Nekhokikhina A.A. The Institute of Fatherhood in Modern Society. *Young Scientist*, 2010, no. 11 (22), vol. II. (In Russ.).
15. Latysheva Yu.A. The specificity of the paternal role: a traditional and a new look at the problem. *Bulletin of Kostroma O.N. Nekrasov State University. Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics*, 2012, no. 4, vol. 18, pp. 36-38. (In Russ.).
16. Sevostyanova U.Yu. Features of paternity of men with different parental experience. *Bulletin of Kostroma O.N. Nekrasov State University. Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics*, 2012, no. 4, vol. 18, pp. 39-43. (In Russ.).
17. Ushamirskaya G.F. (ed.). *Family psychology. Part 1. Collection of student works*. Moscow, Student Science, 2012. 1176 p. (In Russ.).
18. Smyslov D.A., Dotsenko I.V. Fatherhood as a social and socio-psychological phenomenon. *Uchenye zapiski RGSU*, 2011, no. 7, pp. 133-139. (In Russ.).

УДК 376
ББК376

ОТ ЗАДЕРЖКИ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ ДО ОТКЛОНЕНИЙ В ОВЛАДЕНИИ РЕЧЬЮ В ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Е. В. Шереметьева

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Статья обобщает междисциплинарный анализ сущности логопедического заключения и медицинского диагноза «задержка речевого развития» в историческом аспекте. На основании методологической концепции культурно-исторического происхождения высших психических функций, в частности речи, Л. С. Выготского определяются принципиальные требования к формулировке «педагогического диагноза». В результате синтеза собственной эмпирической базы исследования различных типов речевого развития более 1500 детей младенческого и раннего возраста в модели коммуникативно-речевого развития от рождения до первой фразы мы выводим логопедическое заключение «отклонения в овладении речью». Логопедическое заключение «отклонения в овладении речью» является логическим продолжением и развитием сущности логопедического заключения «задержка речевого развития» в современном пространстве эмпирически накопленных данных и их теоретического обобщения.

Ключевые слова: *диагностика, задержка речевого развития (ЗРР), коррекция, отклонения в овладении речью, ранний возраст, реабилитация.*

Одним из ключевых принципов коррекции нарушений развития, которые включают патологии речевого развития, является принцип комплексности. Принцип комплексности реализуется в командном подходе, определяющем практическую деятельность и клиницистов и реабилитологов. Точкой соприкосновения разных специалистов, работающих с «особым» детством, является состояние развития ребенка, которое формулируется каждым членом команды как диагноз, логопедическое или педагогическое заключение и т. п. При этом наши «диагнозы» не калькируют друг друга, а взаимно дополняют общую картину нарушенного развития. Эффективность командной работы будет определяться воздействием на разные стороны развития ребенка с ОВЗ при ведущей роли одного специалиста. Ведущий специалист определяется первично нарушенным звеном или фактором в структуре нарушенного развития ребенка. Поэтому цель настоящей статьи — глубоко рассмотреть сущность понятия задержки речевого развития и тем самым дифференцировать роль специалистов в комплексном подходе к коррекционно-реабилитационному процессу в раннем возрасте.

Логопедическое заключение — одна из ключевых формулировок коррекционно-образовательного процесса. Прежде всего это кратко сформулированный итог диагностического этапа. И, конечно же, это отправная точка определения маршрута образования и коррекции для ребенка с речевой патологией или

со сходными по проявлениям состояниями. Поэтому любая неточность или двусмысленность, а тем более многозначность формулировки логопедического заключения может сыграть крайне негативную роль как в жизни самого ребенка, так и его семьи.

В современной практике здравоохранения, реабилитации, специальной педагогики и логопедии любые состояния отсутствия речи в раннем возрасте принято обозначать как задержку речевого развития.

В процессе анализа теории вопроса нам приходилось сталкиваться с еще более расширенным пониманием заключения или в данном случае диагноза «задержка речевого развития». Так, в одной из кандидатских диссертаций по детской неврологии мы обнаружили обобщение в понятии «задержка речевого развития» таких логопедических заключений, как «общее недоразвитие речи» (ОНР), «фонетико-фонематические нарушения» (ФФН), дизартрия, заикание в дошкольном возрасте. В результате возникает противоречие между тем, как понимается заключение «задержка речевого развития» в логопедическом профессиональном сообществе, системе здравоохранения и реабилитации.

Такое недостаточно профессиональное во многих случаях толкование логопедического заключения «задержка речевого развития» подтолкнуло нас к необходимости проанализировать сущность задержки речевого развития с применением междисциплинарного подхода.

В первую очередь хотелось бы подчеркнуть, что понятие «задержка речевого развития» относится к описанию речевой недостаточности, а значит, находится в поле профессиональной деятельности логопедов, а отнюдь не детских неврологов, психиатров и педиатров. При нашем глубоком уважении к профессиональной деятельности вышеуказанных специалистов, нам хотелось бы, чтобы наши коллеги системы здравоохранения (неврологи, педиатры и др.) трактовали состояние развития ребенка в той области знаний и практической деятельности, в которой каждый из них компетентен.

С позиций методологии основные требования к «педагогическому диагнозу» концептуально обозначил Л. С. Выготский. «Педагогический диагноз» должен вскрывать структуру нарушенного развития (первично и вторично нарушенные звенья в структуре дефекта), указывать программу обучения или коррекции (методический аспект), давать прогноз развития ребенка [2].

Нам хотелось бы уточнить, соответствует ли логопедическое заключение «задержка речевого развития» методологическим требованиям научной школы Л. С. Выготского.

Обратимся к истории вопроса. Впервые понятие «задержка речевого развития» было введено в логопедии: в 1973 г. Е. М. Мастюкова, Н. С. Жукова и Т. Б. Филичева издали книгу «Преодоление задержки речевого развития у дошкольников».

В контексте данного исследования слово «задержка» применительно к речевому развитию трактовалась в общепринятом значении временного нарушения или временной остановки в движении процесса [10]. И это было оправдано теми условиями, в которых вводилась данная терминология. Впервые, в 1968 г. впервые Р. Е. Левина и коллектив сотрудников ее лаборатории, к которым и относились в тот период вышеуказанные авторы, вводят прогрессивное для мирового сообщества логопедов концептуальное понятие «общее недоразвитие речи». Как мы хорошо понимаем, в 1973 г. термин ОНР был известен небольшому кругу исследователей и практиков. Поэтому правомерно было применить более понятный для общественности термин «задержка речевого развития» у дошкольников. Во вторых, в тот период (1970-е гг.) в логопедической помощи нуждалось небольшое количество детей, чаще всего старшего дошкольного возраста.

Уже в переиздании этой книги в 1990 г. она называется «Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников», поскольку термин ОНР уже

системно был внедрен в практику отечественной логопедии в образовании. В этой же книге авторы уточняют понятие «задержка речевого развития» в контексте разграничения с общим недоразвитием речи в младшем дошкольном возрасте (3—4 года). В этот период уже появляются дети, которые как бы задерживаются в овладении речью и к трем годам еще не говорят. Критерии дифференциации еще немного размыты. «Дети с задержкой речевого развития способны к самостоятельному овладению языковыми обобщениями, что малодоступно детям с ОНР» [3]. Е. М. Мастюкова отдельно указывает, что нарушения со стороны центральной нервной системы при ЗРР имеют обратимый нейродинамический характер, а иногда они отсутствуют вовсе. Кроме всего прочего, она дифференцирует виды ЗРР без конкретизации на соматогенные, психогенные и конституциональные [Там же. С. 20].

В советский период дети раннего возраста были организованы в ясли в ведомстве здравоохранения. Г. В. Пантюхина, К. Л. Печора, Э. Л. Фрухт с середины прошлого века под руководством Н. М. Щелованова разработали тогда карты нервно-психического развития ребенка 1, 2 и 3-го годов жизни. Согласно этим картам, к одному году ребенок владеет 5—10 словами, к двум годам уже общается при помощи простой фразы. Однако сами авторы не вводят понятие задержки речевого развития, они пишут о пяти группах развития в соответствии с эпикризными возрастными, или отставанием, или неравномерностью.

В начале 1990-х гг. терминология двух ведомств пересекается. Для упрощения формулировок, предложенных Г. В. Пантюхиной, К. Л. Печорой, Э. Л. Фрухт, в случаях отсутствия 8—10 слов к 1 году и фразовой речи к 2 годам ставится «задержка речевого развития» (в тот период это было еще редкостью).

В середине 1990-х гг., в переходный для нашей страны период, после увеличения продолжительности отпуска по уходу за ребенком, ясли как неотъемлемая часть системы здравоохранения распались по всей стране. Именно после стихийного закрытия яслей и постепенного сокращения кабинетов здорового ребенка, в которых оказывались профессиональные консультационные услуги семьям новорожденных и младенцев, увеличилось количество неговорящих детей раннего возраста. Как система здравоохранения, так и система образования столкнулись с проблемой увеличения количества детей, которые не овладевали речью своевременно.

На тот период логопедических исследований по раннему возрасту практически не было, поэтому логопедическое заключение «задержка речевого развития» с легкой руки Е. М. Мастюковой и Т. Б. Филичевой вошло и в систему здравоохранения и стало применяться для описания состояния речевого развития детей раннего возраста.

В целом логопедическое заключение «задержка речевого развития» носит описательный характер и совершенно не соответствует методологическим требованиям к «педагогическому диагнозу» Л. С. Выготского.

Уже в 1997 г. система здравоохранения нашей страны переходит на Международную классификацию болезней 10-го пересмотра, согласно которой все медицинские диагнозы кодируются. В 2001 г. выходит Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья. Однако практика формулировки диагнозов по речевому развитию детей раннего возраста в педиатрии и детской неврологии, сложившаяся в течение нескольких десятилетий в системе здравоохранения, сохраняется и по сегодняшний день. В 99 случаях из 100 мы находим в медицинских картах неговорящих детей раннего и младшего дошкольного возраста диагноз «задержка речевого развития», под которым подписываются невролог или педиатр. Мало того, далее следует медикаментозное лечение речевого недоразвития.

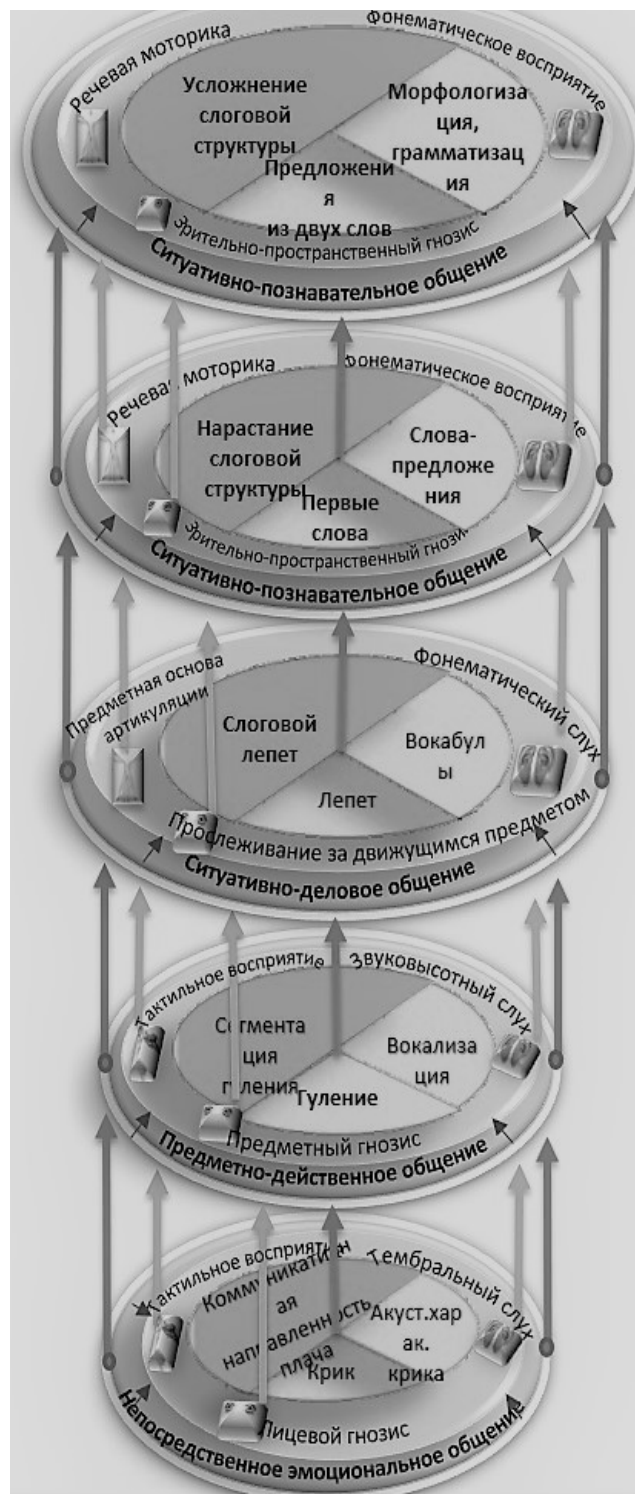
С 1997 г. в отечественной специальной педагогике начинают появляться исследования различных форм нарушенного развития детей раннего возраста (Ю. А. Разенкова, О. Г. Приходько, О. Е. Громова, С. Б. Лазуренко, Ю. А. Лисичкина, Е. В. Шереметьева, Ю. В. Герасименко). В отечественной медицине тоже появились исследования нервно-психического развития детей раннего возраста (Е. И. Токовая, Г. А. Асмолова и др.).

Авторы этих исследований предлагают различные варианты маркировки нарушенного речевого развития в раннем возрасте; отставание на эпикризный период (периоды); группа риска по общему недоразвитию речи и т. п.

Мы еще раз акцентируем, что речь — это высшая психическая функция. Она социальна по своему происхождению. Поэтому любые девиации в развитии речи — это прежде всего объект изучения логопедии.

При работе с патологиями развития детей младенческого и раннего возраста мы столкнулись с проблемой как раз логопедического заключения.

Наше собственное обследование более 1500 детей младенческого и раннего возраста с нормальным и нарушенным ходом развития речи в течение 16 лет, моделирование процесса коммуникативно-речевого развития ребенка от рождения до первой фразы (см. рисунок ниже), обобщение различных эмпирических данных в магистерских диссертациях, написанных под нашим руководством,

Модель коммуникативно-речевого развития ребенка раннего возраста

позволили нам сформулировать логопедическое заключение в раннем возрасте как «отклонения в овладении речью».

Под *отклонениями в овладении речью* мы понимаем недоразвитие невербальных, интонационно-голосовых, ритмических и экспрессивных средств общения в пределах коммуникативно-речевой системы, обусловленное неадекватностью коммуникативных условий и, как следствие, незрелостью психофизиологических когнитивных предпосылок речи.

Соответственно, нами создана целостная система диагностики психоречевого развития ребенка раннего возраста.

Наши исследования позволили дифференцировать нормальное развитие речи, темповый вариант задержанного речевого развития и отклонения в овладении речью. Мы выделили пять вариантов отклонений в овладении речью: резко выраженные; выраженные; нерезко выраженные; обусловленные недоразвитием психофизиологической базы; обусловленные недоразвитием когнитивных предпосылок.

Мы считаем, что это не противоречит существующему логопедическому заключению в раннем

возрасте «задержка речевого развития», а становится его логическим продолжением в текущий период, на сложившейся научно-теоретической основе и с современным контингентом неговорящих детей раннего возраста.

Данное логопедическое заключение вскрывает структуру нарушенного развития. Нами разработана и находится в издании программа коррекционно-предупредительного воздействия в раннем возрасте. Прогноз коррекционно-предупредительного воздействия зависит от степени выраженности отклонений в овладении речью и обусловленности. Следовательно, логопедическое заключение «отклонения в овладении речью» полностью соответствует методологическим требованиям к «педагогическому диагнозу» в научной школе Л. С. Выготского.

Таким образом, логопедическое заключение «отклонения в овладении речью» продолжает и развивает ранее принятое заключение «задержка речевого развития», обобщает существующие научно-теоретические исследования и вскрывает структуру процесса речевого развития современных детей раннего возраста, дает методику раннего коррекционного вмешательства и прогноз развития ребенка.

Список литературы

1. Асмолова, Г. А. Современные подходы к оценке нервно-психического развития детей с перинатальным поражением центральной нервной системы : дис. ... канд. мед. наук: 14.00.09 / Г. А. Асмолова. — М., 2003. — 156 с.
2. Выготский, Л. С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / под ред. Т. А. Власовой. — М. : Педагогика, 1983. — С. 257—322.
3. Жукова, Н. С. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников / Н. С. Жукова, Е. М. Мاستюкова, Т. Б. Филичева. — М. : Просвещение, 1990.
4. Лазуренко, С. Б. Психическое развитие детей с нарушениями здоровья в раннем возрасте : монография / С. Б. Лазуренко. — М. : ЛОГОМАГ, 2014. — 355 с.
5. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-й пересмотр. Т. 1—3. — Женева : ВОЗ, 1994 [Электронный ресурс] / — URL: <https://mkb-10.com/>.
6. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья: МКФ [Электронный ресурс]. — Женева : ВОЗ, 2001. — URL: <file:///H:/Extra%20Found%20Files/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/MKF.pdf>.
7. Пантюхина, Г. В. Методы диагностики нервно-психического развития детей раннего возраста [Электронный ресурс] / Г. В. Пантюхина, К. Л. Печора, Э. Л. Фрухт ; под ред. В. А. Доскина. — URL: <https://infopedia.su/4x1cc9.html>.
8. Приходько, О. Г. Система ранней комплексной дифференцированной коррекционно-развивающей помощи детям с церебральным параличом : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03 / О. Г. Приходько. — М., 2009. — 350 с.
9. Разенкова, Ю. А. Предупреждение и преодоление трудностей развития общения у детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03 / Ю. А. Разенкова. — М., 2017. — 207 с.

10. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. Т. 1: А — Н / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Астрель : АСТ, 2003. — 680 с.
11. Токовая, Е. И. Раннее нервно-психическое развитие детей, родившихся глубоко недоношенными : дис. ... канд. мед. наук: 14.00.09 / Е. И. Токовая. — М., 2002. — 160 с.
12. Шереметьева, Е. В. Диагностика психоречевого развития ребенка раннего возраста / Е. Шереметьева. — М. : НКЦ, 2013. — 112 с.
13. Шереметьева, Е. В. От рождения до первой фразы: тернистый путь к общению : монография / Е. Шереметьева. — Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. — 282 с.
14. Шереметьева, Е. В. Отклонения в овладении речью как логопедическое заключение в раннем возрасте / Е. В. Шереметьева // Специфические языковые расстройства у детей: вопросы диагностики и коррекционно-развивающего воздействия : метод. сб. по материалам междунар. симп. / под общ. ред. А. А. Алмазовой, А. В. Лагутиной, Л. А. Набоковой, Е. Л. Черкасовой. — М. : Логомаг, 2018. — С. 340—342.
15. Sheremetyeva, E. V. Special aspects of communication skills in young children with deficient language acquisition / E. V. Sheremetyeva, N. E. Trofimova, I. Menendal Pidal. — 12th International Technology, Education and Development Conference, 5—7 March, 2018, Valencia, Spain. — P. 6819—6823.

Сведения об авторе

Шереметьева Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной педагогики, психологии и предметных методик Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. logoped68@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

Education and Healthcare. 2019. № 1—2 (5—6). P. 32—37.

FROM DELAY OF SPEECH DEVELOPMENT TO DEVIATIONS IN POSSESSION OF SPEECH IN LOGOPEDIC PRACTICE

E.V. Sheremetyeva

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. logoped68@mail.ru

The article summarizes the interdisciplinary analysis of the essence of the speech therapy conclusion and the medical diagnosis of “delayed speech development” in the historical aspect. Based on the methodological concept of the cultural-historical origin of higher mental functions, in particular speech, L.S. Vygotsky determined the fundamental requirements for the formulation of “pedagogical diagnosis.” As a result of the synthesis of our own empirical base for studying various types of speech development of more than 1,500 infants and young children in the model of communicative speech development from birth to the first phrase, we derive the logopedic conclusion “deviations in mastering speech”. The logopedic conclusion “deviations in the mastery of speech” is a logical continuation and development of the essence of the logopedic conclusion “delay in speech development” in the modern space of empirically accumulated data and their theoretical generalization.

Key words: *diagnostics, delayed speech development, correction, deviations in mastery of the speech, early age, rehabilitation.*

References

1. Asmolova G.A. *Modern approaches to assessing the neuropsychic development of children with perinatal lesions of the central nervous system. Thesis.* Moscow, 2003. 156 p. (In Russ.).
2. Vygotsky L.S. Development diagnostics and pedagogical clinic of difficult childhood. *Collected works in 6 volumes. Vol. 5. Fundamentals of defectology.* Moscow, Pedagogy, 1983. Pp. 257-322. (In Russ.).
3. Zhukova N.S., Mastyukova E.M., Filicheva T.B. *Overcoming General Underdevelopment of Speech in Preschoolers.* Moscow, Education, 1990. (In Russ.).

4. Lazurenko S.B. *Mental development of children with health disorders at an early age*. Moscow, LOGO-MAG, 2014. 355 p. (In Russ.).
5. *International Statistical Classification of Diseases and Health Problems, 10th revision*. T. 1-3. Geneva, WHO. 1994. Available at: <https://mkb-10.com/>. (In Russ.).
6. *International classification of functioning, disability and health: ICF*. Geneva, WHO. 2001. Available at: <file:///H:/Extra%20Found%20Files/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/MKF.pdf>. (In Russ.).
7. Pantyukhina G.V., Pechora K.L., Frucht E.L. *Diagnostic methods of neuro-mental development of young children*. Available at: <https://infopedia.su/4x1cc9.html>. (In Russ.).
8. Prikhodko O.G. *The system of early integrated differential correctional and developmental care for children with cerebral palsy. Thesis*. Moscow, 2009. 350 p. (In Russ.).
9. Razenkova Yu.A. *Prevention and overcoming of difficulties in the development of communication in young children with disabilities. Thesis*. Moscow, 2017. 207 p. (In Russ.).
10. Evgenieva A.P. (ed.). *Dictionary of synonyms of the Russian language in 2 vol. Vol. 1: A-N*. Moscow, Astrel, AST, 2003. 680 p. (In Russ.).
11. Tokovaya E.I. *Early neuropsychic development of children born deeply premature. Thesis*. Moscow, 2002. 160 p. (In Russ.).
12. Sheremetyeva E.V. *Diagnosis of psycho-speech development of a young child*. Moscow, NCC, 2013. 112 p. (In Russ.).
13. Sheremetyeva E.V. *From birth to the first phrase: the thorny path to communication*. Chelyabinsk, Publishing House of SUSU, 2019. 282 p. (In Russ.).
14. Sheremetyeva E.V. Deviations in the mastery of speech as a speech therapy conclusion at an early age. *Specific language disorders in children: issues of diagnosis and correctional and developmental effects. Methodical collection of materials from the International Symposium*. Ed. by A.A. Almazova, A.V. Lagutina, L.A. Nabokova, E.L. Cherkasova. Moscow, Logomag LLC, 2018. P. 340-342. (In Russ.).
15. Sheremetyeva E.V., Trofimova N.E., Menendal Pidal I. *Special aspects of communication skills in young children with deficient language acquisition. 12th International Technology, Education and Development Conference, 5-7 March, 2018, Valencia, Spain*. Pp. 6819-6823.

ОБМЕН ОПЫТОМ EXCHANGE OF EXPERIENCE

*Вестник Челябинского государственного университета.
Образование и здравоохранение. 2019. № 1—2 (5—6). С. 38—43.*

УДК 159.923: 159.9:62
ББК 88.37+88.41

СФОРМИРОВАННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ АКТЕРА У ОБУЧАЮЩИХСЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ СТУДИИ

Н. Г. Быструшкина¹, А. Ю. Макеева², Т. И. Васильева³

¹ Южно-Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ,
Челябинск, Россия

² Театр «Золотой ключик», Челябинск, Россия

³ Детско-юношеский центр Челябинска, Челябинск, Россия

Исследование социально-психологических и профессиональных свойств личности будущих актеров является актуальным как для психологических наук, так и для театральной педагогики. Профессия актера предусматривает глубокий, многогранный профессиональный тип личности. Если обучающиеся детской театральной студии обладают определенными индивидуально-психологическими особенностями, которые отвечают требованиям театральной деятельности, то это означает, что в структуре их личности имеются предпосылки для освоения данного вида профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *профессионально важные качества актеров, обучение подростков, специфика обучения в театральной студии.*

Исследование личностных характеристик актера может стать основой для дальнейшего изучения и модернизации театральной среды в целом, в том числе благодаря целенаправленному формированию профессионально важных качеств личности у детей, занимающихся в театральной студии. Исследования социально-психологических особенностей людей, выбирающих данную профессию, необходимы для совершенствования системы подготовки актеров и структуры постановочного процесса в целом.

Психологические аспекты творчества и личности актера в большей степени изучаются в работах деятелей театра: актеров, театральных педагогов, театроведов, а также режиссеров. Предметом изучения театра как искусства является познание человека, при этом актерская деятельность есть модель жизнедеятельности личности, включающая в себя различные аспекты: общение, познание, игра, труд. Эти понятия, но только в качестве основных видов деятельности, рассматривает и психология.

Поскольку методы и средства подготовки деятелей театра и прежде всего актеров должны соответствовать тенденциям развития современной педагогики и психологии, фокусом нашего внимания стало изучение степени сформирован-

ности профессионально важных качеств личности актеров, занимающихся в театральной студии.

К рассмотрению психологических особенностей личности актера в отечественных и зарубежных исследованиях подходили такие ученые, как Б. Г. Ананьев, Е. Гротовский, Л. С. Выготский, К. С. Станиславский, Д. Дидро, Т. В. Пахомова, Ж.-Л. Барро, Е. Я. Басин и др. Однако стоит отметить, что проблема идентичности актерской личности до сих пор не раскрыта полностью. Исследования социально-психологических особенностей людей, выбирающих профессию актера, необходимы для совершенствования системы подготовки актеров и структуры постановочного процесса в целом.

В ходе анализа научной литературы по данной теме были выявлены профессионально значимые личностные качества актеров, такие как: развитое внимание, эмоциональность и эмоциональная память, ораторские способности, воображение и способность мыслить творчески, коммуникабельность, трудолюбие, пластичность в работе, развитая вербальная и невербальная экспрессия. Необходимо отметить, что для успешной актерской деятельности важна способность к наблюдательности, а также умение фокусировать и переключать внимание в рамках сцены. Следующим характерным

профессиональным качеством актеров является «сценическое внимание», оно включает в себя способность избирательно направлять восприятие и внимание по ходу театрализованного представления.

Эмоциональная память и эмоции — это одни из ведущих качеств профессии актера. Эмоциональная память позволяет запоминать, сохранять и воспроизводить различные чувства и эмоции. Спектакль приобретает художественную завершенность, в том числе когда актерская игра качественно передает эмоции и внутренний мир персонажа. Именно поэтому актер стремится развивать память не только для заучивания сценариев, но и для того, чтобы запоминать и воссоздавать чувства и эмоции героя. Для этого и необходима «эмоциональная память».

Следующим важным качеством актера выступают ораторские навыки. Вне сомнений, всем актерам важно уметь выступать перед публикой, доносить смысл слов героя, вербальными и невербальными деталями передавать суть повествования. Сценическая речь прежде всего является профессиональным средством выразительности актера. Безусловно, для того чтобы успешно вжиться в роль, передать внутренний мир героя, каждому актеру необходимы развитое воображение и творческие способности. Творческий рост актера происходит постоянно, качества и навыки оттачиваются и прогрессируют от спектакля к спектаклю, от роли к роли. Каждое действие в спектакле обогащает эмоциональный багаж, профессионально развивает артиста. Освоение актерского мастерства начинается с тщательной, непрерывной работы над собой. Эта работа включает в себя, во-первых, непрерывное развитие профессионально важных качеств, а во-вторых, репетиции, постоянные тренировки и освоение приемов актерской игры.

Стоит обратить внимание на один из главных вопросов: насколько и как должны быть развиты определенные профессионально значимые качества и способности, чтобы обеспечить успех в актерском искусстве и в театре в целом. При изучении важно не упускать все своеобразие психологии актера. Творчество актера, на наш взгляд, является не только конкретным сочетанием необходимых психологических особенностей, но и своеобразным творчеством психофизиологических состояний личности. На самом деле любая деятельность предъявляет определенные требования к исполнителю, его психическим процессам, а также к скорости реакций, работе анализаторов, свойствам

личности. Если обучающиеся в детской театральной студии обладают определенными индивидуально-психологическими особенностями, которые отвечают требованиям театральной деятельности, то это означает, что они способны к освоению данного вида профессиональной деятельности.

Творческое пространство театра рождает живую фантазию, яркое воображение. Кроме того, театр и актерское мастерство во многом определяют систему убеждений человека, обеспечивают нравственное развитие, раскрывают творческие способности, подчеркивая индивидуальность каждого. Подростки уже способны распознавать разнообразные эмоции людей, в то время как занятия в театральной студии учат их устанавливать взаимосвязи между эмоциями и соответствующими событиями. Кроме навыка устанавливать причинно-следственные связи, обучающиеся театральной студии начинают осознавать, что одни и те же ситуации могут вызывать различные эмоциональные реакции у разных людей. Благодаря этому значительно расширяется палитра выразительных средств для более точной передачи эмоционального состояния персонажа и его внутреннего мира. Театральная среда является не только платформой для развития таланта подростка, но это еще и живое общение с партнерами, руководителем и зрителями. Содержательное и эмоционально насыщенное общение подростка со сверстниками и взрослыми в пределах театра создает благоприятную, располагающую почву для развития обучающихся умения слышать и прислушиваться. Это касается не только внешней среды, но и внутренней, так как актерское искусство учит понимать и осознавать свое эмоциональное состояние и даже предвидеть его.

По мнению Л. С. Выготского, ценность детского творчества необходимо видеть в процессе, а не в результате. Занятия в театральном кружке являются яркой, заразной, эмоционально насыщенной средой, где весь процесс репетиции и создания целостного спектакля влияет на формирование мировоззрения подростка. Это объективно выступает прекрасной почвой для многогранного формирования личности подростка. В ходе театрализованного действия на сцене будущие актеры должны самостоятельно, целенаправленно управлять не только своими действиями по сценарию, но и психическими процессами, такими как внимание, восприятие, память и др. По мнению некоторых ученых, между волевой и эмоциональной сферами личности существует

тесная взаимосвязь. Чувства и эмоции влияют на волевую регуляцию поведения, это проявляется как переживание успеха или неудачи, тем самым угнетая волевые усилия. Праздничная атмосфера театральных студий способствует волевой мобилизации подростка.

Во время спектакля будущие актеры действуют самостоятельно, для этого необходима высокая концентрация внимания и эмоциональная память. После успешного завершения спектакля радость от достижения цели проецируется подростком на дальнейшее целенаправленное поведение. Таким образом, обучающиеся в детской театральной студии становятся более организованными на репетициях, возрастает мотивация двигаться вперед. Подростки, участвующие в постановках, постоянно вступают в коммуникативные связи, они обмениваются информацией со сверстниками и руководителем, учатся координировать свои действия. Все это способствует созданию коллектива, взаимодействию и сотрудничеству как внутри творческой среды, так и за ее пределами. Очевидно, что все это становится возможным только при условии постоянной, непрерывной и грамотной поддержки со стороны педагогов и родителей. Подростки не просто добиваются позитивного внимания со стороны взрослых, а стремятся к взаимопониманию и даже сотрудничеству со старшими и сверстниками.

По мнению известного польского режиссера, педагога и теоретика Ежи Гротовского, театр представляет собой способ и средство самопознания актера и передачи опыта зрителю. В процессе обучения у актеров студии развиваются такие профессионально значимые качества, как «эмоциональность в работе», «эмоциональность в общении с людьми», «чувствительность к вербальной экспрессии» и «прогноз последствий поведения», а также возрастают впечатлительность и сопереживание, развивается чувствительность к социальным воздействиям, возрастает эмоциональная неустойчивость.

Приступая к исследованию, мы сформулировали гипотезу: у обучающихся театральной студии развиваются такие профессионально значимые качества актеров, как эмоциональность в работе, эмоциональность в общении с людьми, чувствительность к вербальной экспрессии и прогноз последствий поведения.

В исследовании психологических свойств личности приняли участие 23 обучающихся детской театральной студии «Балаганчик» под руководством преподавателя актерского мастерства

Ольги Витальевны Патраковой (возраст испытуемых — от 11 до 13 лет).

Для выявления профессионально значимых качеств у испытуемых были выбраны две методики: «Опросник структуры темперамента», разработанный В. М. Русаловым; тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда (русскоязычная адаптация выполнена Е. С. Михайловой на основе французской адаптации 1977 г.).

Результаты исследования структуры темперамента обучающихся театральной студии, полученные с помощью тестирования «Опросник структуры темперамента» В. М. Русалова, показали следующее:

1) у учащихся МБУДО «ДЮЦ» ярко выражена эмоциональная чувствительность в коммуникативной сфере, что свидетельствует о высокой уязвимости к неудачам в общении, чувствительности к оценкам окружающих, неуверенности в себе, тревожности (такие данные можно объяснить тем, что некоторые особенности эмоциональных реакций подросткового возраста обусловлены гормональными и физиологическими процессами; кроме того, эмоциональная сфера зависит от различных социальных факторов и условий воспитания);

2) наименее выражены такие параметры, как «предметная энергичность» или «эргичность в работе» (низкий уровень данного свойства указывает на пассивность, отсутствие желания умственного напряжения, а также на небольшой уровень тонуса и активации, отсутствие вовлеченности в процесс деятельности);

3) высокий уровень обнаружен в шкале «Эмоциональность в работе», что указывает на высокую чувствительность к ситуациям, содержащим затруднения (такая эмоциональность выражается в высокой чувствительности к расхождениям между задуманным и ожидаемым, планируемыми и полученными результатами; многим подросткам свойственны тревога и высокое беспокойство по поводу различных поручений);

4) средние показатели по данным «пластичность в работе» и «пластичность в общении с людьми», выявленные в ходе исследования, указывают на затруднения в переключении с одного вида деятельности на другой, относительно медленный переход с одних форм мышления на другие в процессе взаимодействия с предметной средой (у обучающихся в театральной студии обнаружены трудности в подборе форм социального взаимодействия, уровень готовности к вступлению в социальные контакты — невысокий);

5) данные параметров «темп в работе» и «темп в общении с людьми» можно отнести к средним показателям (у данной группы испытуемых наблюдается замедленность действий, низкая скорость моторно-двигательных операций).

Учитывая среднегрупповую величину по каждому параметру [1], определены доминирующие компоненты темперамента обучающихся:

— «эмоциональность в общении с людьми» — 8,22 балла ($\sigma = 2,00$);

— «эмоциональность в работе» — 7,61 балла ($\sigma = 2,71$);

— «пластичность в общении с людьми» — 6,09 балла ($\sigma = 1,28$).

Основные результаты процентного соотношения уровней свойств темперамента обучающихся в детской театральной студии:

1) по многим компонентам (6 из 8) у испытуемых выявлено преобладание среднего уровня сформированности структуры темперамента («пластичность в общении с людьми» — у 95,65%; «темп в общении с людьми» — 65,22%; «эмоциональность в работе и общении с людьми», «эргичность в общении с людьми» — 60,87%; «темп в работе» — 52,17%), что свидетельствует, с одной стороны, о стремлении обучающихся к расширению коммуникативных программ, а с другой — об избирательности в установлении социальных контактов (данная группа испытуемых способна легко находить общий язык с теми, кто хорошо знаком или с кем совпадают интересы, однако общение с малознакомыми людьми может вызвать напряжение, смущение, а также неуверенность; лидерские качества проявляются только в хорошо знакомых компаниях, а в незнакомой обстановке испытуемые предпочитают оставаться в тени), кроме того, у будущих актеров при невысоком темпе поведения обнаружена высокая психическая скорость выполнения конкретных заданий (моторно-двигательная быстрота), проявляющаяся при осуществлении предметной деятельности;

2) низкому показателю на момент проведения эмпирического исследования соответствуют компоненты: «эргичность в работе» и «пластичность в работе» (69,57% и 52,17% соответственно), что, во-первых, свидетельствует о пассивности и низком жизненном тоне испытуемых, недостаточно сильно выраженном стремлении к физической или умственной деятельности (часто невысокие результаты связаны с отсутствием способности быстро включаться в работу, а также долго сохранять высокий рабочий темп; отметим, что восстановление

после длительного и напряженного труда у группы испытуемых протекает небыстро), во-вторых, будущие актеры имеют склонность к монотонной работе, предпочитают консервативные формы деятельности, испытывают определенную боязнь и избегание разнообразных форм поведения.

Данные о средней величине компонентов социального интеллекта у учащихся театральной студии, полученные с помощью теста «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда, свидетельствуют о следующем: у учащихся детской театральной студии обнаружены высокие показатели по компонентам «чувствительность к вербальной экспрессии» — 7,57 балла ($\sigma = 2,43$), «прогноз последствий поведения» — 7,39 балла ($\sigma = 1,92$).

Высокий результат по шкале «чувствительность к вербальной экспрессии» означает, что обучающиеся имеют высокий уровень восприимчивости к характеру и особенностям человеческих взаимоотношений. Это можно объяснить тем, что будущие актеры учатся и осваивают навык соответствующего общения с различными собеседниками в разных ситуациях и, как следствие, обретают большой репертуар ролевого поведения (то есть они проявляют ролевую пластичность). Данные свойства помогают будущим артистам быстро и правильно понимать то, что люди говорят друг другу (речевую экспрессию) в контексте данной ситуации, конкретных взаимоотношений.

Высокий показатель по шкале «прогноз последствий поведения» говорит о том, что обучающиеся умеют предвидеть последствия поведения. Они способны предугадывать последующие поступки людей на основе анализа реальных примеров общения, предсказывать действия и намерения участников коммуникации, опираясь на понимание их чувств и мыслей. Это можно объяснить тем, что в ходе подготовки актеры учатся выстраивать свою стратегию поведения для достижения поставленной цели.

В ходе исследования обнаружено, что наименее выражен компонент социального интеллекта «анализ межличностного взаимодействия» — 5,26 балла ($\sigma = 1,76$). Лица с невысокими показателями по данному субтесту испытывают трудности в анализе обстоятельств межличностного взаимодействия и, как следствие, часто плохо адаптируются к различным взаимоотношениям между людьми. Важно отметить, что субтест «Истории с дополнением» считается наиболее информативным и комплексным по своему факторному весу в структуре социального интеллекта.

Анализируя эмпирические данные, хотелось бы отметить, что компонент «чувствительность к невербальной экспрессии» имеет средний показатель значений — 6,04 балла ($\sigma = 2,25$). Невысокие параметры объясняются тем, что в процессе общения будущие актеры в большей степени ориентируются на вербальное содержание сообщений, вероятно, вследствие нехватки жизненного опыта. Испытуемые с низкими оценками по данному субтесту плохо владеют языком телодвижений, взглядов и жестов. К тому же они могут допускать ошибки в интерпретации смысла слов собеседника потому, что не учитывают (или неправильно учитывают) сопровождающие их невербальные реакции.

Таким образом, учитывая среднюю групповую величину по каждому параметру социального интеллекта, можно определить доминирующие компоненты у учащихся в театральной студии:

- 1) «чувствительность к вербальной экспрессии» — 7,57 балла ($\sigma = 2,43$);
- 2) «прогноз последствий поведения» — 7,39 балла ($\sigma = 1,92$).

Данные о процентном соотношении уровней сформированности компонентов социального интеллекта, полученные с помощью теста «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда, указаны в таблице ниже. Анализируя данные из таблицы, хотелось бы обратить внимание на то, что больший процент сформированности компонентов социального интеллекта у обучающихся детско-юношеского центра находится на среднем уровне. Вместе с тем следует отметить, что высокий уровень чаще встречается у таких компонентов социального интеллекта, как прогноз последствий поведения и чувствительность к вербальной экспрессии, а низкий — чувствительность к невербальной экспрессии и анализ межличностного взаимодействия.

Изучив психологические особенности свойств личности у обучающихся в детской театральной студии «Балаганчик», мы сделали следующие вы-

воды: у учащихся МБУДО «Детско-юношеский центр Челябинска» больше всего выражен компонент структуры темперамента «эмоциональность в общении с людьми». Эмоциональная чувствительность в коммуникативной сфере говорит об уязвимости к неудачам в общении, а также о тревожности учащихся и неуверенности в себе. Это можно объяснить особенностями эмоциональных реакций подростков, обусловленных кризисным периодом. Но хотелось бы отметить, что актерам свойственна высокая эмоциональность. Помимо этого, у подростков наблюдаются высокие показатели компонента «Эмоциональность в работе», что говорит о высокой чувствительности к неудачам. Отметим, что также у обучающихся выявлены средние показатели такого свойства темперамента, как «пластичность в общении с людьми». При этом у данной группы испытуемых прослеживаются затруднения переключения с одного вида деятельности на другой.

Анализируя данные, можно указать на положительную динамику в развитии у обучающихся в детской театральной студии таких компонентов социального интеллекта, как: прогноз последствий поведения; чувствительность к невербальной экспрессии; чувствительность к вербальной экспрессии.

Таким образом, гипотеза: у обучающихся в театральной студии развиваются такие профессионально значимые качества актеров, как эмоциональность в работе, эмоциональность в общении с людьми, чувствительность к вербальной экспрессии и прогноз последствий поведения, подтвердилась.

Материалы исследования могут быть использованы в работе преподавателей актерского мастерства, а также педагога-психолога в процессе подготовки обучающихся в театральной студии. Будущим актерам театра в дальнейшем стоит развивать такие качества, как: эргичность в работе; эргичность в общении с людьми; пластичность в работе; темп в работе, что отражено в образова-

Процентное соотношение уровней сформированности компонентов социального интеллекта у обучающихся в детской театральной студии

Компонент социального интеллекта	Уровень		
	Высокий	Средний	Низкий
1. Прогноз последствий поведения	26,09	56,52	17,39
2. Чувствительность к невербальной экспрессии	4,35	52,17	43,48
3. Чувствительность к вербальной экспрессии	26,09	56,52	17,39
4. Анализ межличностного взаимодействия	4,35	56,52	39,13

тельной программе дополнительного образования О. В. Патраковой.

Необходимо подчеркнуть, что исследование личностных характеристик действующих актеров может стать основой для дальнейшего изучения

и модернизации театральной среды в целом, а также процесса подготовки будущих актеров, в том числе благодаря целенаправленному формированию профессионально важных качеств личности у детей, занимающихся в театральной студии.

Список литературы

1. Быструшкина, Н. Г. Математические методы в психологии / Н. Г. Быструшкина. — Челябинск : Изд-во ЧФ УРАО, 2014. — 72 с.
2. Рогов, Е. И. Выбор профессии: становление профессионала / Е. И. Рогов. — М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. — 336 с.

Сведения об авторах

Быструшкина Наталья Геннадьевна — кандидат психологических наук, доцент Южно-Уральского медицинского университета Министерства здравоохранения РФ, Челябинск, Россия. psynb@mail.ru

Макеева Анна Юрьевна — актриса театра «Золотой ключик» города Челябинска, Челябинск, Россия. nusha_74_94@mail.ru

Васильева Татьяна Иосифовна — кандидат психологических наук, педагог-психолог МБУДО «Детско-юношеский центр Челябинска», Челябинск, Россия. vti_01@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.
Education and Healthcare. 2019. № 1–2 (5–6). P. 38–43.*

FORMATION OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES OF THE ACTOR AT TRAINING STUDENTS

N.G. Bystrushkina

*South Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Chelyabinsk, Russia. psynb@mail.ru*

A.Yu. Makeeva

“Golden Key” Theatre, Chelyabinsk, Russia. nusha_7494@mail.ru

T.I. Vasilyeva

*Municipal Budgetary Institution for Supplementary Education “Children and Youth Centre of Chelyabinsk”,
Chelyabinsk, Russia. vti_01@mail.ru*

The study of the socio-psychological and professional properties of the personality of future actors is relevant for both the psychological sciences and theatrical pedagogy. The profession of an actor provides for a deep, multifaceted professional type of personality. If students of a children's theater studio have certain individual psychological characteristics that meet the requirements of theatrical activity, this means that in the structure of their personality there are prerequisites for the development of this type of professional activity.

Keywords: *professionally important qualities of actors, teaching teenagers, the specifics of training in a theater studio.*

References

1. Bystrushkina N.G. *Mathematical methods in psychology*. Chelyabinsk, 2014. 72 p. (In Russ.).
2. Rogov E.I. *The choice of profession: the formation of a professional*. Moscow, VLADOS-PRESS, 2003. 336 p. (In Russ.).

УДК 159.922.7
ББК 88.8

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ВОСПРИЯТИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ СО ШКОЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТЬЮ У ПОДРОСТКОВ

Е. Е. Понкратова

Дворец учащейся молодежи «Смена», Челябинск, Россия

Изложены представления относительно специфики взаимосвязи между школьной тревожностью и восприятием детско-родительских отношений у подростков; выдвинуто предположение о наличии трех факторов («общая тревожность», «гибкость родительской позиции», «доминирование матери») в детерминации структуры данных явлений.

Ключевые слова: *детско-родительские отношения, школьная тревожность, характер и структура взаимосвязи, факторный анализ.*

Тревожность в настоящее время выступает одной из ведущих проблем в психологии. Она является источником неврозов и функционального психоза, а также пусковым механизмом расстройства эмоциональной сферы личности. Возникнув в раннем возрасте вследствие контакта с неблагоприятной социальной средой, тревожность постоянно и неизменно присутствует в жизни человека.

В последние годы психологи крайне обеспокоены процессом возникновения тревожных состояний в ситуации школьного обучения. Это связано с увеличением интенсивности учебного процесса, повышением нагрузки и напряжения во взаимоотношениях между учителем и учеником. По данным Всемирной организации здравоохранения, школа на сегодняшний день признана общественно неблагоприятным фактором, вызывающим различные нарушения психического здоровья учащихся. Особенно уязвимыми становятся подростки в связи со спецификой протекания данного возрастного периода. То обстоятельство, что тревожность в подростковом возрасте может стать устойчивым личностным образованием, делает нашу тему еще более актуальной, так как правильный подход родителей и педагогов к подросткам в процессе воспитательных воздействий минимизирует возникновение тревожных факторов и поможет детям справиться с уже имеющимися негативными состояниями. Таким образом, исследование феномена школьной тревожности у подростков является актуальным.

Как и школа, семья выступает важнейшим социальным институтом в жизни подростка — семейный контекст оказывает прямое воздействие на становление отношений и все сферы его де-

ятельности. В этом возрасте взаимодействие с родителями переходит на качественно новый уровень. Благоприятные детско-родительские отношения являются фактором эмоционального благополучия подростка, выступают важнейшим условием эффективного общения со сверстниками и другими взрослыми, в то время как неправильное воспитание детей этого возраста может спровоцировать тяжелые эмоциональные переживания, конфликты (внутренние и внешние), различные формы дезадаптации в обществе.

Актуальность исследования определяется увеличением числа тревожных детей, отличающихся повышенным беспокойством, неуверенностью в своих силах, эмоциональной неустойчивостью. Тревожность в подростковом возрасте может стать устойчивым личностным образованием, поэтому правильный подход родителей и педагогов к подросткам в процессе воспитательных воздействий будет способствовать формированию активных, социально адаптированных, зрелых личностей, составляющих современное общество.

Исходя из вышперечисленного необходимо провести эмпирическое исследование, целью которого выступает выявление взаимосвязи между школьной тревожностью и восприятием детско-родительских отношений у подростков и ее структуры.

Исследование проводилось на базе МАОУ «СОШ № 46 им. З. А. Космодемьянской» города Челябинска. В исследовании приняли участие 60 школьников из полных семей: 32 мальчика и 28 девочек в возрасте 12—14 лет, ученики седьмых классов, составляющие одну группу испытуемых.

В качестве основного эмпирического метода выступает тестирование. В частности, исполь-

зовались следующие психодиагностические методики:

1. Опросник социализации для школьников «Моя семья» (автор О. И. Мотков).

2. Опросник школьной тревожности (автор Б. Филлипс).

Для обработки полученных эмпирических данных применялись такие статистические методы, как среднее арифметическое значение, стандартное отклонение, процентное соотношение, метод линейной корреляции Пирсона, факторный анализ [1].

Первый этап исследования был направлен на изучение восприятия детско-родительских отношений подростками. Данные о средней величине показателей детско-родительских отношений, полученные с помощью методики «Опросник социализации для школьников “Моя семья”» (автор О. И. Мотков), указаны в табл. 1.

Анализируя данные, указанные в табл. 1, можно заметить, что большинство факторов в семейном воспитании у подростков положительно проявлены. Это в достаточной степени отражает адекватную родительскую позицию, которая характеризуется преобладанием таких особенностей детско-родительских отношений, как: гибкость методов воспитания, формирование у детей положительного отношения к школе и учителям, а также воспитания у них самостоятельности, инициативы. В целом это можно объяснить тем, что, по мнению подростков, в процессе воспитания родители проявляют готовность и способность ме-

нять стиль общения, способы воздействия на детей на различных этапах их взросления в зависимости от меняющихся условий жизни семьи, поощряют инициативу, формируют у них положительное отношение к процессу обучения.

Наименьший балл среднего значения у испытуемых наблюдается по фактору доминантности матери, отца или равного участия обоих родителей в воспитании. В соответствии с интерпретацией используемой методики полученный результат по данной шкале свидетельствует о том, что, по мнению большинства подростков, в воспитании доминирует мать. Испытуемые при принятии какого-либо решения советуются с ней, признают ее авторитет, ощущают большую эмоциональную привязанность к ней. Это может быть связано с тем, что в современном обществе роли между супругами в воспитании детей имеют некое своеобразие. На сегодняшний день женщины способны справиться не только с любой мужской работой, но и иметь решающий голос в семье. Разброс данных относительно средней величины показателей небольшой, о чем свидетельствуют значения стандартного отклонения. Отсюда можно утверждать, что группа является однородной.

Было проведено процентное распределение испытуемых в зависимости от уровней семейных взаимоотношений, представленное в табл. 2. Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что 85% подростков воспринимают свои отношения с родителями в целом как благополучные (30, 55%).

Таблица 1

Средняя величина восприятия детско-родительского взаимодействия подростками, баллы

Факторы детско-родительских отношений	Среднее арифметическое значение	Стандартное отклонение
Строгость (гибкость) воспитательных установок	9,30	2,66
Воспитание самостоятельности, инициативы	10,72	2,61
Доминантность матери, отца или равное участие обоих родителей в воспитании	5,95	2,97
Отношение к школе, учителям	10,33	2,39
Жесткость (гибкость) воспитательных установок	10,93	2,97
Взаимоотношения в семье: недружеские или теплые	9,72	2,22
Взаимопомощь в семье: наличие или отсутствие общих дел	10,22	2,30
Общность интересов	9,62	3,31

Таблица 2

Распределение семейных взаимоотношений по уровням, % общего числа испытуемых

Уровни семейных отношений			
Благополучный	Менее благополучный	Удовлетворительный	Неблагополучный
30,00	55,00	15,00	0,00

Это означает, что, по мнению большинства испытуемых, родители по отношению к ним применяют конструктивный стиль семейного воспитания, учитывают их индивидуальные особенности, включены в жизнь подростков. При поддержке подростков, эмоциональной близости с ними родители дают им возможность проявить самостоятельность в определенных ситуациях, при необходимости проявляют готовность помочь в решении проблем. Девять испытуемых (15 % общего числа опрошенных) оценивают уровень взаимоотношений в семье как удовлетворительный. Данный уровень можно охарактеризовать как процесс взаимодействия в семье, когда члены ячейки общества неактивно сотрудничают между собой — родители не стремятся удовлетворить потребности своих детей в общении, не уделяют им достаточного внимания, предъявляют завышенные требования к своим детям, что ведет к дезадаптации последних в социуме. Неблагополучный уровень семейных отношений у подростков полностью отсутствует, что говорит о положительной тенденции развития семьи как единой системы.

На втором этапе исследования осуществлялось измерение школьной тревожности в подростковом возрасте. Данные о средней величине школьной тревожности у подростков, полученные с помощью методики «Опросник школьной тревожности» (автор Б. Филлипс), представлены в табл. 3. Анализируя эти данные, можно обнаружить, что у испытуемых выражен такой фактор школьной тревожности, как страх не соответствовать ожи-

даниям окружающих. Это можно объяснить тем, что для изучаемой возрастной категории на первое место выступает система межличностных отношений, где подростки очень чувствительны к мнениям окружающих. Наиболее значимым для детей подросткового возраста является общение со сверстниками: они добиваются признания группы, приспособившись к ней. Так, в процессе обучения подростки ориентируются на внешние оценки со стороны окружения и в связи с этим испытывают сильную тревогу.

Высокие показатели стандартного отклонения делают необходимым расчет коэффициента вариации. Его показатели свидетельствуют о большой вариации в ответах по некоторым шкалам, о неоднородности группы. Это может быть связано с тем, что в подростковом возрасте школьная тревожность в большей степени обусловлена индивидуальными чертами личности. В процессе их формирования к данному периоду уже выработались защитные механизмы и коппинг-стратегии. Все перечисленные факторы могли повлиять на разнообразие ответов испытуемых по данным шкалам.

Было осуществлено процентное распределение школьной тревожности по уровням в подростковом возрасте (табл. 4). Анализируя данные табл. 4, можно обнаружить преобладание высокого уровня по фактору «страх не соответствовать ожиданиям окружающих» (38,33 %). Выраженность данного фактора означает ориентацию мальчиков и девочек на значимость других в оценке своих результатов, поступков и мыслей, тревогу по поводу оценок,

Таблица 3

Средняя величина школьной тревожности в подростковом возрасте

Фактор тревожности	Среднее арифметическое, баллы	Стандартное отклонение, баллы	Коэффициент вариации, %
Общая тревожность в школе	9,03	4,76	52,72
Переживание социального стресса	4,30	2,41	56,04
Фрустрация потребности в достижении успеха	5,32	2,26	42,48
Страх самовыражения	2,93	1,83	62,41
Страх ситуации проверки знаний	2,92	1,59	54,41
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	2,85	1,38	48,27
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	1,67	1,53	91,54
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	3,47	1,46	41,98
Общий индекс тревожности	24,20	9,18	37,93

Таблица 4

**Распределение школьной тревожности по уровням в подростковом возрасте,
% общего числа испытуемых**

Факторы тревожности	Уровни тревожности		
	Нормальная	Повышенная	Высокая
Общая тревожность в школе	65,00	30,00	5,00
Переживание социального стресса	71,67	23,33	5,00
Фрустрация потребности в достижении успеха	68,33	30,00	1,67
Страх самовыражения	51,67	25,00	23,33
Страх ситуации проверки знаний	60,00	21,67	18,33
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	36,67	25,00	38,33
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	75,00	6,67	18,33
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	78,33	20,00	1,67
Общий индекс тревожности	76,67	20,00	3,33

даваемых окружающими, ожидание негативных оценок в школе. Это можно объяснить тем, что ведущей деятельностью в подростковом возрасте выступает межличностное общение. Помимо смены значимых лиц и перестройки отношений со взрослыми, подростки направлены на общение со сверстниками, позволяющее активно осваивать нормы, средства социального поведения, вырабатывать критерии оценки себя и других.

По остальным изучаемым факторам школьной тревожности у испытуемых преобладает нормальный уровень. Об этом свидетельствует доминирование нормальной тревожности по каждому из факторов и по интегральной шкале «общий индекс тревожности» (76,67% общего числа испытуемых), характеризующей общее эмоциональное состояние ребенка. Это означает, что большинство испытуемых, находясь в школе, не испытывают тревожности, препятствующей нормальному общению и личностному развитию.

На третьем этапе исследования осуществлялся статистический расчет взаимосвязи между школьной тревожностью и восприятием детско-родительских отношений подростками с помощью метода линейной корреляции Пирсона. Данные о показателях достоверности взаимосвязи восприятия детско-родительских отношений со школьной тревожностью у подростков представлены в табл. 5. Здесь можно обнаружить наличие достоверной взаимосвязи между факторами школьной тревожности и восприятием детско-родительского взаимодействия у подростков. Следует отметить, что все выявленные взаимосвязи носят обратный пропорциональный характер.

Общая тревожность подростков в школе взаимосвязана с такими показателями детско-роди-

тельских отношений, как строгость (гибкость) воспитательных установок, жесткость (гибкость) методов воспитания, взаимоотношения в семье (недружеские или теплые). Это означает, что при преобладании у родителей подростков гибкости воспитательных установок, гибкости методов воспитания, выраженности теплых семейных взаимоотношений общая тревожность в школе снижается, что приводит в норму общее эмоциональное состояние ребенка, связанное с различными формами его включения в жизнь школы (и наоборот).

Достоверная взаимосвязь выявлена между переживанием социального стресса как проявлением школьной тревожности и следующими факторами отношений родитель-ребенок: строгость (гибкость) воспитательных установок, жесткость (гибкость) методов воспитания, взаимопомощь в семье (наличие или отсутствие общих дел), общность интересов. Это говорит о том, что при малой степени общности интересов между родителями и ребенком, избрании родителями строгости воспитательных установок, жесткости методов воспитания, отсутствии взаимопомощи в семье в школе подросток будет испытывать социальный стресс, в связи с чем возникнут затруднения в развитии социальных контактов (и наоборот). С данными факторами детско-родительских отношений взаимосвязан страх самовыражения в ситуации школы как проявление тревожности. Это означает, что гибкость родительской позиции, теплые взаимоотношения в семье, общность интересов снижают страх самовыражения, а также негативные эмоциональные переживания ситуаций, сопряженные с необходимостью самораскрытия, предъявления себя другим, демонстрации своих возможностей (и наоборот).

Таблица 5

Показатели достоверности взаимосвязи школьной тревожности с восприятием детско-родительских отношений подростками

Факторы школьной тревожности	Факторы детско-родительских отношений									
	Строгость (гибкость) воспитательных установок	Воспитание самостоятельности, инициативы	Доминантность матери, отца, или равное участие обоих родителей в воспитании	Отношение к школе, учителям	Жесткость (гибкость) методов воспитания	Взаимоотношения в семье: недружеские или теплые	Взаимопомощь в семье: наличие или отсутствие общих дел	Общность интересов	Общий уровень семейных отношений	
Общая тревожность в школе	-0,32*	-0,10	-0,18	-0,18	-0,35*	-0,35*	0,02	-0,18	-0,37*	
Переживание социального стресса	-0,39*	-0,14	-0,02	0,03	-0,31*	-0,22	-0,31*	-0,42*	-0,39*	
Фрустрация потребности в достижении успеха	-0,48*	-0,09	0,05	-0,29*	-0,46*	-0,30*	0,07	-0,44*	-0,45*	
Страх самовыражения	-0,47*	-0,21	-0,14	-0,05	-0,34*	-0,40*	-0,25	-0,32*	-0,44*	
Страх ситуации проверки знаний	-0,25	-0,05	-0,37*	-0,03	-0,23	-0,33*	0,01	-0,20	-0,34*	
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	-0,23	0,02	-0,23	0,02	-0,20	-0,45*	-0,02	-0,22	-0,28*	
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	-0,20	0,03	0,03	-0,41*	-0,34*	-0,29*	0,02	-0,15	-0,29*	
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	-0,34*	-0,01	-0,07	-0,12	-0,38*	-0,32*	0,16	-0,25	-0,32*	
Общий индекс тревожности	-0,52*	-0,14	-0,13	-0,20	-0,48*	-0,47*	-0,10	-0,41*	-0,53*	

* Взаимосвязь достоверна при $p \leq 0,05$.

Обнаруживается наличие взаимосвязи между доминированием в семье одного из родителей (или равное участие обоих родителей) в воспитании и страхом ситуации проверки знаний как проявлением тревожности в школе. Отсюда следует, что при участии обоих родителей в воспитании у подростка понижается тревожность в процессе обучения, связанная с контролем знаний учителем. При доминировании одного из родителей в воспитательном процессе этот фактор тревожности повышается и оказывает негативное воздействие на психику ребенка подросткового возраста. Это можно объяснить тем, что в воспитательном процессе каждый из родителей вносит определенный вклад в развитие личности ребенка, выполняя функции, присущие роли каждого из них (матери/отца). Таким образом, неравномерное распределение обязанностей в воспитании подростка может привести к возникновению у него тревоги при проверке знаний в школе. Кроме того, страх ситуации проверки знаний взаимосвязан с характером взаимоотношений (недружеские или теплые) между родителями и детьми-подростками.

Наибольшее количество взаимосвязей наблюдается между фрустрацией потребности в достижении успеха как проявлением школьной тревожности и факторами детско-родительских отношений: строгость (гибкость) воспитательных установок, жесткость (гибкость) методов воспитания, отношение к школе, учителям, общность интересов. Это означает, что неблагоприятный фон, не позволяющий ребенку развивать свои потребности в успехе, достижении высокого результата, как проявление школьной тревожности, больше, чем остальные ее факторы, связан с восприятием подростками своих отношений с родителями. Это можно объяснить тем, что в подростковом возрасте значимыми являются безусловное принятие ребенка родителями вне зависимости от имеющихся ожиданий и конкретных успехов, эмоциональная близость, поддержка со стороны родителей. Это определяет степень стремления подростка достигать успеха в различных ситуациях.

Проблемы и страхи в отношениях с учителями как проявление школьной тревожности взаимосвязаны со строгостью (гибкостью) воспитательных установок, жесткостью (гибкостью) методов воспитания, взаимоотношениями в семье (недружеские или теплые) как факторами детско-родительских отношений. Таким образом, отношения с учителями, сопровождаемые тревогой у подростков, возникают при выраженности в родительской позиции

строгости воспитательных установок, жесткости методов воспитания, сложившихся недружеских отношениях с родителями. Поэтому умение родителей подстраивать способы воздействия на ребенка с учетом меняющихся условий, использование эффективных методов воспитания и взаимоотношения, основанные на доверии и эмоциональной поддержке, способствуют нормальному общению подростков с учителями.

Такой фактор школьной тревожности, как низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, коррелирует с жесткостью (гибкостью) методов воспитания, взаимоотношениями в семье (недружеские или теплые), формированием отношения к школе и учителям родителями у подростков как факторами детско-родительских отношений.

Вследствие этого можно заметить взаимосвязь общего уровня семейных взаимоотношений со всеми изучаемыми факторами тревожности, которая также носит обратно пропорциональный характер. Это говорит о том, что при повышении общего уровня семейных взаимоотношений уровень школьной тревожности у подростков снижается, и наоборот.

Отсюда можно сделать вывод, что то, как подростки воспринимают свои отношения с родителями, во многом определяет специфику их тревожности.

Четвертый этап исследования был направлен на изучение характерной структуры восприятия детско-родительских отношений и школьной тревожности в подростковом возрасте. Данные, полученные с помощью факторного анализа, о восприятии детско-родительских отношений и школьной тревожности у подростков, представлены в табл. 6, по которой можно заметить, что испытуемые имеют характерные черты, выраженные в трех факторах.

Первый фактор — общая тревожность. Он включает такие шкалы, как: общая тревожность в школе, страх ситуации проверки знаний, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, общий индекс тревожности. Это означает, что для данных подростков наиболее значимым является эмоциональное состояние, связанное с различными формами их включения в жизнь школы, интенсивность переживания тревоги в ситуациях проверки (особенно публичной) знаний, достижений и способность на физиологическом уровне противостоять стрессу (адекватно реагировать на тревожные факторы среды).

Второй фактор — гибкость родительской позиции. Он включает в следующие шкалы: строгость

Таблица 6

**Факторный анализ школьной тревожности и восприятия
детско-родительских отношений подростками**

Показатель	Факторы		
	1	2	3
Общая тревожность в школе	0,91	-0,10	0,00
Переживание социального стресса	0,07	-0,62	0,01
Фрустрация потребности в достижении успеха	0,39	-0,53	0,42
Страх самовыражения	0,43	-0,50	-0,10
Страх ситуации проверки знаний	0,89	0,01	-0,19
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	0,69	-0,15	-0,15
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	0,77	-0,10	0,29
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	0,65	-0,21	0,29
Общий индекс тревожности	0,81	-0,46	0,10
Строгость (гибкость) воспитательных установок	-0,23	0,79	0,06
Воспитание самостоятельности, инициативы	0,10	0,50	-0,07
Доминантность матери, отца, или равное участие обоих родителей в воспитании	-0,27	0,10	0,76
Отношение к школе, учителям	-0,16	0,18	-0,60
Жесткость (гибкость) методов воспитания	-0,28	0,72	-0,09
Взаимоотношения в семье: недружеские или теплые	-0,43	0,47	0,28
Взаимопомощь в семье: наличие или отсутствие общих дел	0,11	0,50	0,58
Общность интересов	-0,13	0,67	-0,05
Общий уровень семейных взаимоотношений	-0,29	0,87	0,18
Вес фактора	0,26	0,24	0,10

(гибкость) воспитательных установок, жесткость (гибкость) методов воспитания, общий уровень семейных взаимоотношений. Это означает, что испытуемые в большей степени оценивают умение родителей подстраивать способы воздействия на них в воспитании с учетом меняющихся условий, подбирать эффективные методы воспитания с меньшим упором на наказания и с большим на поощрения и исходя из этого воспринимают уровень взаимоотношений в семье как благополучный.

Третий фактор — доминирование матери в воспитании. Это говорит о том, что испытуемые отмечают значимость материнской позиции, признают ее авторитет, советуются с ней при принятии решений, ощущают большую эмоциональную близость к ней.

Таким образом, гипотеза в исследовании подтвердилась. Школьная тревожность и восприятие детско-родительских отношений у подростков взаимосвязаны, и имеют характерную структуру.

Выводы:

1. В подростковом возрасте большинство факторов детско-родительских отношений проявляются положительно. По мнению подростков, родительская позиция характеризуется преобладанием гиб-

кости методов воспитания, формированием у испытуемых положительного отношения к школе и учителям, а также воспитанием у них самостоятельности, инициативы. Испытуемые воспринимают уровень взаимоотношений в семье в целом как благополучный (85%).

2. У мальчиков и девочек выявлен высокий уровень школьной тревожности по фактору «страх не соответствовать ожиданиям окружающих» (38,33 % общего числа испытуемых). По остальным изучаемым факторам у подростков доминирует нормальный уровень тревожности в ситуации школы.

3. Выявлена достоверная взаимосвязь восприятия детско-родительских отношений со школьной тревожностью в подростковом возрасте. Таким образом, общая тревожность в школе взаимосвязана с жесткостью (гибкостью) методов воспитания, строгостью (гибкостью) воспитательных установок, а также с воспитанием у мальчиков и девочек самостоятельности, инициативы. Переживание ситуации стресса как проявление школьной тревожности взаимосвязано со строгостью (гибкостью) воспитательных установок, жесткостью (гибкостью) методов воспитания,

взаимоотношениями в семье, общностью интересов. С данными факторами детско-родительских отношений взаимосвязан и страх самовыражения в ситуации школы как проявление тревожности. Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу коррелирует с жесткостью (гибкостью) методов воспитания, взаимоотношениями в семье (недружеские или теплые), формированием отношения к школе и учителям родителями у испытуемых. Фрустрация потребности в достижении успеха взаимосвязана со строгостью (гибкостью) воспитательных установок, жесткостью (гибкостью) методов воспитания, отношением к школе и учителям, общностью интересов. Взаимосвязь обнаружена между доминированием в семье одного из родителей и страхом ситуации проверки знаний. Проблемы и страхи в отношениях с учителями взаимосвязаны со строгостью (гибкостью) воспитательных установок,

жесткостью (гибкостью) методов воспитания, взаимоотношениями в семье (недружеские или теплые). Вследствие этого обнаруживается взаимосвязь общего уровня семейных отношений со всеми изучаемыми факторами тревожности. Все обнаруженные взаимосвязи носят обратный пропорциональный характер.

4. Было обнаружено, что испытуемые имеют характерные черты, выраженные в трех факторах. Первый — общая тревожность — включает в себя следующие шкалы: общая тревожность в школе, страх ситуации проверки знаний, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, общий индекс тревожности. Второй фактор — гибкость родительской позиции — включает в себя шкалы: строгость (гибкость) родительской позиции, жесткость (гибкость) методов воспитания, общий уровень семейных отношений. Третьим фактором выступает доминирование матери.

Список литературы

1. Быструшкина, Н. Г. Математические методы в психологии / Н. Г. Быструшкина. — Челябинск : Изд-во ЧФ УРАО, 2014. — 72 с.
2. Васильева, Т. И. Психологический аспект формирования самосознания, самооценки личностной и профессиональной самоэффективности в юношеском возрасте / Т. И. Васильева // Воспитание человека в эпоху глобальных преобразований : материалы междунар. науч.-практ. конф., Челябинск — Москва, 29—30 окт. 2018 г. / под ред. А. В. Кислякова, А. В. Щербакова. — Челябинск : ЧИППКРО, 2018. — С. 57—63.
3. Тревога и тревожность : хрестоматия / С. Кьеркегор [и др.]. — М. ; Саратов : ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. — 240 с.
4. Якобсон, П. М. Эмоциональная жизнь школьника / П. М. Якобсон. — М. : Просвещение, 2006. — 291 с.

Сведения об авторе

Понкратова Евгения Евгеньевна — педагог-психолог ГБУ ДО «Дворец учащейся молодежи “Смена”», Челябинск, Россия. soi@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

Education and Healthcare. 2019. № 1—2 (5—6). P. 44—52.

RESEARCH OF THE RELATIONSHIP OF PERCEPTION OF CHILD-PARENT RELATIONS WITH SCHOOL ANXIETY IN TEENAGERS

E.E. Ponkratova

*State Budgetary Educational Institution of extended education Palace of Culture for pupils “Smena”,
Chelyabinsk, Russia. soi@csu.ru*

The article sets forth ideas regarding the specifics of the relationship between school anxiety and the perception of parent-child relationships in adolescents; it has been suggested that there are three factors (“General anxiety”, “Parental position flexibility”, “Mother dominance”) in determining the structure of these phenomena.

Keywords: parent-child relationships, school anxiety, the nature and structure of the relationship, factor analysis.

References

1. Bystrushkina N.G. *Mathematical methods in psychology*. Chelyabinsk, 2014. 72 p.
2. Vasilieva T.I. The psychological aspect of the formation of self-consciousness, self-esteem of personal and professional self-efficacy in adolescence. *Education of a person in the era of global transformations: materials Int. scientific-practical conf., Chelyabinsk — Moscow, October 29-30, 2018*; under the editorship of A.V. Kislyakova, A.V. Shcherbakova. Chelyabinsk, CHIPPKRO, 2018. Pp. 57-63.
3. Kierkegaard S. [et al.]. *Anxiety and anxiety: anthology*. Moscow, Saratov, PER SE, IP Air Media, 2019. 240 p.
4. Jacobson P.M. *The emotional life of a schoolboy*. Moscow, Education, 2006. 291 p.